

Дарья Гущина

ВЕДЬМИН ДАР

16+

Гущина Дарья (не эксклюзив)
Дарья Гущина
Ведьмин дар
Серия «Ведь мы – ведьмы!», книга 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56063824

SelfPub; 2020

Аннотация

Нас называют отступниками – предателями законов магического мира. Нас истребляют, как запрещённую нечисть. Но с каждой убитой всё ярче разгорается в живых то, что мы отчаянно бережём – ведьмин дар. Последняя сила стародавних. Меня называют Эфой и считают потомственной отступницей. А мне всё равно, кем – или чем – меня считают. Моя главная задача – вычислить всех охотников за дарами. Пока есть, ради чего бороться и кого защищать.

Содержание

Пролог	5
Часть 1: Планы на прошлое	10
Конец ознакомительного фрагмента.	126

*...и каждый раз следует задаваться вопросом,
правы ли и насколько правы ведьмы,
кричащие в первом акте Макбета:
«Зло есть добро, добро есть зло...»
Умберто Эко «История уродства»*

Пролог

Мумия выглядела странно и страшно. Скрюченная, свёрнутая в позу зародыша. Отрубленные по локоть руки. Выжженные символы изгнания на лысом черепе.

– И прямо посреди парка, а... – пробормотал седоусый мужчина, опираясь на зонт-трость. – А если бы люди?.. А дети?.. Хорошо, ночь на дворе...

– Не увидели бы, – рассеянно откликнулся молодой шатен, закончив сгребать в сторону первые опавшие листья. – Ведьмовское заклятье невидимости неважное, но было.

– Да? – заинтересовался седоусый. – Это тебе твой покровитель сказал? Или какой-нибудь другой дух?

– Не смейтесь, Игорь Сергеевич, – шатен поднял голову и посмотрел укоризненно. – Духи нечисти действительно много интересного рассказывают, да слушать их никто не хочет. Как живых изгонять – так все заклинатели наготове, а как одному заблудшему мёртвому помочь – так никого нет. А это не дело. Знаете, сколько их остается в тонких слоях мира, прикованных к миру теней мстью или незаконченными делами? И способных подселиться к человеку, если иная помощь не придёт?

– Ладно-ладно... – проворчал седоусый. – Шамань, бога ради. Глядишь, хоть тут польза будет, раз дар свыше тебе дали, а ударной силой обделили... Так кто про невидимость-то

шепнул, а?

– Внимательность, – его собеседник невозмутимо указал на едва заметные серебристые нити на теле мумии. – Известные остатки полога.

Пожилой заклинатель прищурился и признал:

– Да, не те уж глаза-то... Жди в свою шаманскую секту, парень. Примешь старика?

– Подумаю, – ухмыльнулся молодой, – и понаблюдаю. При несерьёзном отношении не приму.

Игорь Сергеевич крикнул – не то одобрительно, не то осуждающе – и нахмурился. Указал зонтом на мумию и спросил:

– Ваше мнение, коллега?

– Ведьма. Убита. Отсечённые по локоть руки – стандартное обезвреживание, – как на уроке оттабаранил шатен. – Отрезать руки с «углём» – и ведьму от силы, чтобы не сопротивлялась. На черепе – знаки изгнания, – и запнулся. – Наши. Судя по их количеству, использовалось изгнание беса... или кого-то не менее крупного. Высшего.

– И? – пожилой заклинатель хмуро уставился на мумию.

– Это невозможно, – продолжил молодой коллега без прежней уверенности. – Наши заклятья для ведьм безвредны. Одержимых ведьм не бывает, только люди. А чтобы человек мумифицировался, это ж такая подготовка нужна... И зачем тогда руки отрезать?

– Пару случаев одержимых ведьм история знает, – седо-

усый вздохнул и покачал головой, – но и те – нонсенс. И не две души в одном теле, а душа, раскроенная на две части и напитанная разной силой. Вряд ли это наш случай.

– Подстава?.. – озаботился шатен.

– Да шут его знает... – поморщился пожилой заклинатель. – Ладно, Илюша. Сгребай это нечто, да поаккуратнее. Отвезём в общину, пусть наши умники изучат и в архивах пороются.

– Ведьмам в Круг запрос надо... – начал Илья.

– Нет, – отрезал Игорь Сергеевич. – Пока – нет. Не дай бог, на нас свалят и убийцами обзовут. Пока – сами. А там видно будет.

– А если у тех спросить, кто вне Круга? – осторожно подошёл с другой стороны шатен. – Да и место смерти бы им показать. И мумию эту. Чтобы понять, как убили, чем... и зачем.

– Ты на отступницу, что ль, на свою знакомую намекаешь? – седоусый хмыкнул и посмотрел на молодого коллегу с сожалением: – Илюш, не надоело? Интересный, неглупый, а – прости господи за слова нехорошие... – хернёй страдаешь. То души нечисти, то отступницы на пенсии... У нас постоянно людей не хватает...

– Вот и займусь нормальным делом, – хладнокровно заметил молодой заклинатель, оценивая транспортабельность мумии. – Вы же не против?

– Подставишь заклинательскую общину – выгоню в шею.

И дальше шаманить будешь без зарплаты и грантов на исследования.

– Идёт, – Илья встал, похлопал по карманам куртки и позвал: – Выходи, подлый трус!

Из верхнего кармана вытекла струйка тёмного дыма, завихрилась и соткалась в серую сущность. Ни рук, ни ног, ни очертания тела, только глаза на подобии лица и пушистая дымка роскошных волос. И длинный хвост с подвижной рябью мелких чешуек. Молчаливый взгляд обежал всех присутствующих и остановился на мумии.

– «Змея»! – ахнул седоусый. – Ты чего с ней сделал-то, гений ты наш непризнанный?

– Подобрал, – парень пропустил шпильку мимо ушей, – и привязал к амулету. Наберётся от него сил – отпущу, а без них сгинет. Поможешь, подруга? Подбрось тело до машины. И остаточную ауру захвати.

Сущность облетела мумию, снова закрутилась вихрем, распуская туманные щупальца, накрыла тело коконом и растаяла. Мумия исчезла вместе с ворохом опавших листьев и тонким слоем земли.

– Она умеет перемещать, – пояснил Илья деловито, – и без повреждений. Машину мне как-то из одного конца города в другой приволокла за пару минут.

– Зачем? – растерялся пожилой заклинатель.

– Да парканулся как попало, – парень весело пожал плечами. – Пока я за нечистью бегал, тачку на штраф-стоянку

увезли. Времени на разбирательства не было, ну, я и попросил... Зря, что ли, в брелок подсеял?

– Дела-а-а... – протянул Игорь Сергеевич, оглянулся на опустевший земляной пяточок и почесал затылок: – Где набрался-то? Знаний? Всё по своим «узаконенным» отступницам?

– Не скажу, – нагло отозвался Илья. – Сам ещё не всё знаю. Мне пока конкуренты не нужны. Вот когда соберётесь учиться...

– А соберусь, – усмехнулся пожилой заклинатель. – Но прежде давай-ка разберёмся, кто убил эту несчастную. И причём тут мы.

Часть 1: Планы на прошлое

Глава 1

Основной закон ведовства гласит:

вы всё решаете сами.

Терри Пратчетт «Шляпа, полная неба»

Ребята нервничали.

Притаившись за плакучей берёзой, я с любопытством смотрела на пару наблюдательских оболтусов, которых принесла нелёгкая в гости к отступнице. Ко мне то есть. Они нерешительно мялись на пороге старой избушки, поглядывали на закрытые ставни, но стучаться не решались. Уже минут пятнадцать как. Я специально засекала.

Стандартная парочка – мальчик и девочка. Девчонке лет двадцать – короткая светлая стрижка, худые плечи, сутулая спина прилежной ученицы, джинсовые капри и куцая курточка. А вот в возрасте «мальчика» я сомневалась. На вид – всё те же «джинсовые» двадцать, но опыт уверял – больше. Наверняка в личине. Охраняет, присматривает или?..

– Мы идём или нет? – грубоватый голос парня подтвердил мою догадку: наверняка в личине. Она голос не меняет, только видимое внешнее. – Я не собираюсь торчать тут целый день.

Телепортист? Явно. Не на своих же тонких нетренирован-

ных ножках девочка добиралась через лес. Слишком далеко моё логово от трассы, ведущей в город, – правильно обутому здоровому человеку часов пять пилить. Проще магическим путём добраться.

– Да погоди ты, – девочка хорохорилась, но голосок нервно дрожал. – Я сейчас...

– Считаю до пяти, – пригрозил её спутник, заноса для стука в дверь кулак. – Не успеешь – возвращаемся. Или оставайся здесь одна и добирайся потом, как хочешь. Раз...

Я невольно пожалела девчонку. Молва обо мне такая ходит, что не захочешь, а забоишься. И, наверно, потому она и тянула с нашей встречей. Намёк на её появление был давно – маякнули нужные люди, да и я предчувствовала... Но вот «хвост» не ждала. «Мальчик» мне не нужен даже рядом.

– Я готовлюсь! – оправдалась она. – Мы же не знаем, на что ведьма способна! А если не поможет?.. Если даже не выслушает?.. Надо же что-то придумать, чтоб не выгнала сразу, как других, кто без допуска.

– На что способна? – переспросил наблюдатель едко. – Да ни на что. Этой твари выжгли «уголь»...

– ...четыре года назад, – в тонком голосе девочки неожиданно прорезалась ответная едкость. – А столько с выжженным не живут. Год-полтора – и готовая мумия. Ведьма быстро умирает без питания природной силой. Не надо недооценивать отступниц, даже сдавшихся и наказанных.

Я одобрительно хмыкнула. Хорошо сказала... Сразу вид-

но – свой человек. *Нужный.*

Тяжело опираясь на трость и приволакивая левую ногу, я вышла из-за дерева и любезно улыбнулась:

– Добрый день. Чем могу помочь?

Как они подпрыгнули, как заозирались...

Я улыбнулась ещё любезнее:

– Чаю?

Девочка сглотнула – острый подбородок, пуговичный нос, испуганные глаза. Наблюдатель набычился, и, прищурившись, я заметила, как плывет его облик – лицо размытое, цвет волос не определить... И предупреждающе зашумело ощущение угрозы – старый рефлекс закоренелой отступницы. И без родного «угля» мы, постоянно убегающие от «правосудия», чувствовали скрытую опасность всем своим жизнелюбивым существом. Отвод глаз плюс внезапное сопровождение очень нужной мне ведьмы – это... Явно не простой телепортист. Отводом глаз умеют пользоваться только ведьмы. А кроме них...

Пока я исподволь присматривалась к раздражённому наблюдателю, девочка изумлённо уставилась на меня. И, хвала дару, перестала дрожать от страха – оный успешно вытесняли удивление и недоверчивость. Знакомые по каждому «гостю».

С тех пор как я вынужденно стала ближе к народу, то бишь к наблюдательским студентам и прочим заинтересованным, я сменила имидж. Серая неброскость, помогающая раство-

риться в толпе и работающая дополнительным отводом глаз, их почему-то дико пугала, особо впечатлительных – до парализующей немоты и последующих заваленных зачётов по теории отступничества. Мне сделали внушение, велев прекратить пугать детей, я присмотрелась к молодежи и замаскировалась под юную общественность.

Длинные чёрные волосы, заплетённые в мелкие косички и собранные в высокий хвост. Синие и фиолетовые «перья» на кончиках косичек и длинной косой чёлке, скрывающей старый шрам. Серёжка-страза на левом крыле носа. Мелкая серёжка-кольцо на нижней губе справа. Шесть проколов в левом ухе, семь в правом, и гирлянды серёг, от мелких сверху до длинных снизу. Яркий макияж со «стрелками», фиолетовыми тенями и бордовой помадой. Густой загар. Чёрная майка, чёрная косуха, широкие чёрные джинсы с молниями на штанинах до колен, чёрные кеды со стразами. Пальцы в кольцах, фиолетовый маникюр. И цыганистые гирлянды цепочек, бус и прочих подвесок.

Молодёжь теряла дар речи. Она отчего-то считала, что отступницы – это старые страшные бабки, и так удивлялась, видя перед собой девуцу, на вид немногим старше и в тренде... А я о своём истинном возрасте, как и о магическом происхождении всего «антуража», включая косички, конечно, молчала. На отступниц, даже активно сотрудничающих, любят вешать всех собак, и я жила в постоянной готовности к побегу. И наконец-то появился предсказанный повод.

– Эфа, хватит, – досадливо поморщился наблюдатель, – у меня мало времени. Быстро выслушай и объясни нужное. Очень быстро, – добавил выразительно.

– Конечно, гражданин начальник, – я фальшиво улыбнулась и неловко переступила с ноги на ногу. Больное левое колено, естественно, возмутилось, и я вынужденно вернулась в прежнюю позу. Прямо посмотрела на наблюдателя и сухо сказала: – Мне тяжело стоять. Заходите, дверь открыта.

На невзрачной роже наблюдателя отчетливо проступило «Постойшь, не сдохнешь», но девочка, добрая душа, резво открыла дверь и запинкой предложила:

– П-проходите.

Я с достоинством проковыляла мимо наблюдателя, надеясь, что избушка выглядит достаточно... жилой. Свыше мне велели жить здесь и только здесь – в кособокой хибарке посреди леса, но мне хватило месяца, чтобы изобрести способ просачиваться сквозь «колючую проволоку» и обитать в цивилизованном месте с удобствами, а сюда являться лишь на тревожный сигнал, означающий гостей. Или, если они случались нечасто, забегать на полчаса и поддерживать видимость человеческого обитания.

Единственная крошечная комната чистотой не блистала, но и паутиной заброшенности пока не заросла – последние жаждущие знаний приходили с неделю назад, и я немного прибралась. До них. С тех пор стол и подоконники покрылись пылью, на светлом фоне не шибко видимой, но ошуще-

ние не обманешь: нежилое чувствуется нежилым. И наблюдатель это понял. Его ищущий взгляд шустро перебежал с кресла на старый, наспех заправленный диван, с табуретки на кухонный стол и дальше, на подвесные шкафы с приоткрытыми дверцами. И особенно пристально изучал банки с застоявшейся водой и печь, которую я сама не помню, когда топила.

– Ты, кажется, предлагала чай? – голос наблюдателя стал подозрительно довольным.

Размечтался...

– Чайник, дрова и кострище на улице за домом, – сообщила я равнодушно, сев на диван и устроив больную ногу на табуретке. – Кто хочет – тот и делает. Вперёд.

– Не забывайся!.. – предсказуемо вскипел он. Не хуже чайника, только что не забулькал.

Я посмотрела на него в упор и медленно произнесла:

– Я никогда ничего не забываю. А теперь сядь и не мельтеши. Ко мне девочка с вопросом пришла, а не ты с проверкой. Напомни, кто кричал, что у него мало времени?

К сожалению, у меня плохая память на голоса. Но не на ощущение человека. Выжженная вместе с «углём» сфера души осела пеплом, но я наловчилась гадать на нём, рисуя руны и задавая вопросы. И пепел помнил. И отвечал. И ни заклятья, ни амулеты не могли скрыть того, кого я знала. Где же ты мне попадался, сволочь, и по какому недоразумению остался в живых?..

Наблюдатель смолчал, но встал красноречиво – у двери, привалившись к стене. Я мельком глянула на растерянную девочку, не знающую, куда себя девать.

– Садись, – указала тростью на кресло. – Спрашивай.

Она неловко присела на краешек продавленного кресла и с нескрываемым восхищением покосилась на трость. Узкая чёрная змея в позе нападения, голова вытянута под рукоять, на морде сверкают два глаза – охрово-жёлтый и красный, под мордой – серебристая паутина оберега, исходящая из третьего камня, белого.

– Надеюсь, ты себе такую не хочешь, – заметила я с намёком. – Рассказывай, не стесняйся. Как тебя зовут?

Девочка смущённо покосилась на своего спутника и сбивчиво заговорила. Зовут Анной. Числится при наблюдателях. Сфера – вода. И с некоторых пор вода вдруг стала очень общительной.

– Я не понимаю, как это происходит, – путано объясняла Аня. – Я просто включаю воду – и слышу. Г-голоса, – и посмотрела на меня испуганно.

Несчастное забитое создание... И очень, *очень*, важное для мира ведьм. Не зря её ко мне привели.

– Ты их понимаешь? – уточнила я.

Девочка кивнула и залилась краской.

Я терпеливо улыбнулась:

– В «голосах» нет ничего страшного. Когда ведьмы сходят с ума – а я повидала немало сумасшедших, поверь, – они

страдают не оттого, что что-то слышат. А оттого, что... теряют слух. Голоса живой силы слышат многие, но мало кто придаёт им значение по одной простой причине – ведьмам некогда. Учёба, работа – бесконечная круговерть дел. А ты, видимо, очень одинока. И занимаются с тобой по остаточному принципу. У наблюдателей нет подходящей наставницы, и ведьму воды вызывают из Круга?

Аня снова кивнула и покраснела ещё сильнее. А наблюдатель напрягся. Едва уловимая смена позы – и у меня внутри всё встало на дыбы, предупреждая. Конечно, ты не просто так пришёл – доставить туда-обратно, у тебя есть конкретная цель... Ты *понимаешь*...

– Довольно болтать, – подал голос наблюдатель.

Разбежался...

– А о чём конкретно говорит вода? – я проигнорировала намёк. – Предупреждает, объясняет, успокаивает?

– Когда как... – задумалась Аня. – Всегда по-разному.

– Но и предупреждения бывали, и объяснения, и утешения? – я осторожно сменила позу, словно невзначай опершись о трость и рассеянно погладив свою змейку по голове. Скрытая в тёплом дереве сила потекла по пальцам, просачиваясь сквозь кожу и наполняя тело магией. Просканировать ауру, снять слепок и создать фантом – и *посмотреть* её глазами, послушать её ушами... И сохранить.

Пора.

Девочка опять кивнула. И наблюдатель опять сменил по-

зу, спрятав правую руку за спину. И нетерпеливо встрял в разговор:

– Я сказал, хватит!

Аня послушно встала.

– Подожди, – спокойно попросила я, в показной задумчивости перебирая кольца и то снимая одно, то надевая. – Последняя деталь. На столе банки с водой. Вылей воду за окно. И послушай, что она скажет.

– А вы-то как узнаете?.. – она недоверчиво подняла брови.

Наблюдатель смотрел волком и переминался с ноги на ногу. Молодой. Неопытный. Не понимает, что лучше всё сделать здесь. И обвинить потом спятившую отступницу. Захотела вырезать «уголь» и украсть силу – и почти получилось. Девочка, к сожалению, не выжила. А тварь пришлось добить. Накатанный сценарий. Неужто боится?

Аня подошла к столу и аккуратно взялась за двухлитровую банку. Вода, правда, протухшая, недельной давности, но... Запела тугая струя, рассыпались, ударяясь о смородинные листья, капли, и я крепче сжала рукоять трости, прикрыла глаза. Тихий голос старухи-шепчущей наполнил комнату – застучал по крыше дождевыми каплями, заструился по водосточным трубам звонкими ручейками. Стихийный голос, который я узнаю из миллионов. И я настроилась на его волну, дополняя предупреждение шепчущей своим: «Посмотри на меня. Ни в коем случае не оборачивайся. Ни в коем...»

Но девочка испуганно обернулась на наблюдателя, а он

успел сделать только один шаг. Я метнула ему под ноги снятое кольцо, наблюдатель наступил, и комната утонула в короткой охровой вспышке. Я быстро вытянула из трости частичку исцеляющего заклятья – ковылять будет недосуг с полчаса точно. Белый камень мигнул и потускнел. Я подхватила с дивана, сунув трость под мышку. Аня по-прежнему стояла у стола, судорожно вцепившись в банку.

– Быстро в окно! – велела я. – Тут низко, не расшибёшься. К двери нельзя, там твой приятель в капкане. Жить хочешь? Делай, что говорю. В окно. От крыльца бежишь в лес прямо по тропе и до лысой берёзы. Возле неё колодец. Снимаешь крышку, спускаешься по ступенькам и бежишь дальше. Доберёшься до ступенек – засекай время и жди меня. Не приду через десять минут – поднимайся одна. Это выход в город, на окраине, из подвала заброшенного дома. Да, магический – пространственно-временная ведьма ставила. Выйдешь – прячься. Где хочешь, но не у наблюдателей и не дома. И слушай воду. Спрашивай, где найти Гюрзу. Она тебя в обиду не даст. Запомнила? Повтори.

Девочка бойко повторила и с похвальным рвением выбралась в окно. Коротко ойкнула и зашуршала по жухлой траве, убегая. Уж кого-кого, а послушных исполнителей наблюдатели воспитывать умеют...

Я подняла диванную «створку» и достала кожаный рюкзак с НЗ. Да, пора... Время капкана истекло, и вторая вспышка выплюнула на пыльный пол ссохшееся тело мумии в лох-

мотьях истлевшей одежды. Закинув на плечи рюкзак, я поворошила тростью тряпки. Конечно, ни документов, ни опознавательных знаков. Безымянный. Паскуда гнилая. Жаль, не допросить и не изучить, рассыплется прахом через минуту-другую...

Легко выбравшись в окно, я обошла вокруг избушки, очерчивая бережный круг, вернулась к той берёзе, из-за которой наблюдала за парочкой, сняла второе кольцо, прошептала наговор и без сожалений метнула в хлипкое строение сгусток огня. И гори эта опостылевшая тюремная жизнь синим пламенем... Наконец-то.

Убегая, я слушала лес, но он об опасности молчал. «Гости» пришли вдвоём, предупреждающий сигнал наблюдатель отправить не успел, а девочка уже послушно забралась в колодец. У нас есть в запасе несколько часов, чтобы замести старые следы и проложить новую тропу. Главное, очень быстро и максимально незаметно выбраться из города.

Я опоздала на три минуты, но Аня никуда не ушла. Смотрела на наручные часы и ждала. Серебристый мох, покрывающий стены подземного коридора, мягко мерцал и озарял настороженную мордашку. И старые, мшистые каменные ступени, ведущие наверх.

– Вы слышали воду! – выпалила она. – Как?.. Кто вы такая?

– Резоннее спросить, кто ты такая, – поправила я, подходя. – И ты – шепчущая. Ведьма с даром стародавних. Слы-

шала о дарах? Чудно. Большинство ведьм не в курсе, что это такое. А твой приятель – безымянный. Безликий убийца на службе у наблюдателей. Они ищут и убивают таких, как ты, со времён охоты на ведьм. И давай без «вы». Зови меня Эфой и забудь про расшаркивания. Не то время. Отойди.

– Но как?.. – Аня посторонилась, пропуская меня вперёд.

– Замещение, – по-прежнему держа трость под мышкой, я ступила на лестницу. – Слышала о таком? Когда отнимается зрение, обостряется слух. У меня отняли активную силу, и после этого обострилось её ощущение у других. Особенно хорошо получается слушать голоса даров, когда они в действии.

Поднявшись, я привычно взялась за ручку и сдвинула крышку люка. В нос ударил мерзкий запах старого подвала – смесь пыли, спёртого воздуха, плесени и кошек. Выбравшись, я сняла с пальца третье кольцо. Аня с испуганным изумлением посмотрела, как меж моих ладоней вспыхивает охровое пламя, и поспешно вылезла из прохода. А я швырнула огонь вниз и вернула на место крышку.

Всё. Первые следы замечены. Я скинула на пол рюкзак, присела и закопалась в свою заначку. Бегать я привыкшая, в отличие, к сожалению, от своего «повода».

– Ты это... без «угля» всё?.. – несмело выдохнула Аня, наблюдая за каждым моим движением.

– Мир соткан из магии, – я вдумчиво перебирала амулеты. – «Уголь» – всего лишь малая её часть. *Всего лишь*. И

по своей сути «уголь» – это рука, которая позволяет ведьме брать и использовать то, до чего она сможет дотянуться и что хватит сил удержать. А как живут люди без рук? – я глянула на девочку-шепчущую и поинтересовалась: – Как мужчины без «углей» колдуют? А нечисть?

Она не нашлась с ответом, и я заключила:

– Есть масса других способов взять необходимое. Надо только думать, экспериментировать и не бояться. И почистить мозги от глупых стереотипов.

Аня помолчала, но хватило её буквально на минуту:

– Это ведь... искусственные «угли»? – и указала на мою трость.

– Да. И, предвосхищая твои вопросы, – снова да. Именно они дают мне силы, необходимые для жизни. Но одного-двух не хватит, нужно штук пять, – я выудила из-под майки ещё два «змеиных глаза» – чёрный и фиолетовый. – Плюс кое-какие ритуалы. А теперь о деле, – я спрятала амулеты-«глаза» и встала: – Ты мне веришь?

– Вода сказала, доверяй. И предупредила, что этот... убить хочет. И никакой он мне не приятель, – добавила она отрывисто. – Он подслушал, как я наставнице про голоса рассказываю, и предложил свозить к отступнице на консультацию.

– Редиска, – прокомментировала я сдержанно, – мир его праху.

Девочка побледнела, но кивнула согласно. Я одобритель-

но улыбнулась:

– Хорошо держишься. Молодец. Попозже накроет, конечно, но ты стой насмерть. Жизнь дороже. А дары стародавних – бесценны. Шепчущих не было очень давно, больше ста лет, а это важнейший дар, – и посмотрела на неё серьезно: – Хочешь – верь, хочешь – нет, но я тебя в обиду не дам. И помогу добраться до безопасного места.

– А оно есть? – и снова эта недоверчивость во всём напряжённом существе.

– Есть. Иначе бы всех отступников давно напалмом выжгли. А нас по пятьдесят лет ищут и находят лишь тогда, когда мы сами этого хотим. Когда устаём скрываться. Или здоровье не позволяет. Не сказать, что в нашем убежище легко жить, но там можно пересидеть и перевести дух. Да и подучиться. Близкие остались? Не прощайся. Ты умерла.

– Что?.. – Аня чуть не выронила телефон, который при упоминании о близких достала из внутреннего кармана куртки.

– Ты умерла, – повторила я спокойно, – в той избушке. Подлая отступница убила твоего спутника, выпила твою силу и сожгла останки. Если не хочешь, чтобы к твоим близким пришли палачи, то согласишься с моей версией. Да, и твой прах там тоже найдут. И не только твой. В подполе мумий штук пять хранилось – во временном коконе, чтоб не портились. В телах ведьм много остаточной силы, нужной для подзарядки «углей». И водяная тоже была. И я наложила на неё фантом

с твоей аурой. Прах неразговорчив, и пока из него вытянут нужное – если вытянут и если хватит умений, – нас будет уже не найти. Отдай телефон, – и смягчила тон: – отдай. Спутниковые сигналы – те же маяки. Так... правильно.

– Что, по себе знаешь? – в её голосе прорезалась горькая, хриплая едкость.

– Да, – я без сожалений грохнула сотовый о крышку люка. – Мои родители до сих пор живы и должности занимают немалые. И это самое простое и верное решение – исчезнуть без следа. Забыть семью, имя и своё прошлое. И появиться спустя много лет в чужом обличье и под дурацким прозвищем. Не спрашивай, почему. Я не обязана выворачивать перед тобой душу. Если хочешь, можешь вернуться, – я сняла очередное кольцо и протянула Ане: – Это телепорт. Работает только на мысли о семье. Одно искреннее желание вернуться – и ты дома.

Она зажмурилась, и где-то наверху медленно закапала вода. Тягуче, с паузами между каплями. И на десятом по счёту «кап» будущая отступница оттолкнула мою руку.

– Папа знает, – сообщила Аня хрипло и уверенно.

– Что ж, надеюсь, он сумеет это знание зашифровать и не проколется, когда спросят, – я вернула кольцо, которое телепортом – жутко ценным и редким заклятьем – не являлось, на место. – А мы – гримируемся и в город, – я потянулась к рюкзаку и сморщилась, когда колено прострелило болью.

Всё, лафа закончилась... Трость вернулась на привычное

«опорное» место, и я села на лок, переводя дух и привыкая. Снова и снова привыкая к вредной ломоте в искалеченном суставе. Но да рассиживать некогда – обезболивающее зелье, чтоб сильно не мучиться, и в бега.

– Бери, – я подцепила тростью цепочку амулета. – Это личина. Но прежде подойди-ка... И не обращай внимания на то, что я делаю. Неприятно, но нужно.

Аня послушно встала передо мной, и я, опять вытянув из заначки щепотку силы, деловито обстучала девочку начиная с обуви и заканчивая взъерошенной макушкой. Лёгкие движения трости, и на пол посыпались наблюдательские маяки – мелкими камешками, дорожной пылью, оторванными пуговицами. Напоследок я небольно ткнула её в солнечное сплетение и велела:

– Сплюнь.

Она покраснела и смущённо сплюнула.

– Ещё раз и сильнее. Отвернись, если стесняешься.

Аня отвернулась. Последний маяк упал на пол с металлическим звоном. Я снова обстучала ведьму-шепчущую тростью, поясняя:

– Они же боятся, ваши начальники. Пойдёте к отступникам за информацией для курсовой работы, развесите уши, услышав о могуществе, да сбежите на вольные хлеба. Вот и обвешивают вас маяками, чтобы быстро найти. Всё. Используй личину.

– Я давно умею отводить глаза! – девочка обиделась.

– Отвод глаз – самая большая ошибка начинающих, – я нащупала в гирлянде подвесок нужную. – Профессионалы идут по нему как по явному и яркому следу. Вот, к примеру, выйдут отсюда бабушка и дедушка – и ищейки, просмотрев инфо- и мыслеполе, увидят бабушку и дедушку. Да, подозрительных, но всё же людей. А выйдут отсюда две ведьмы под отводом глаз – и ищейки увидят невнятные силуэты, и эта размытость внешности – как след от кометы и баннер «Ау, мы здесь!» Лучше использовать косметику, парик и костюм, чем отвод глаз.

– Да, но этих дедушек-бабушек тоже найти легко! – горячо возразила Аня. – Любой менталист найдёт за полчаса, просматривая память людей и восстанавливая через неё путь! А отвод глаз...

– Это если бабушка-дедушка, дураки дураками, ринутся к цели по прямой, ни разу не сменив личину и везде показываясь парой, – терпеливо отозвалась я. – А если они завернут в мега-молл, там – в туалет, а выйдут оттуда с получасовым интервалом парнем и девушкой, чтобы разойтись потом в разные стороны? Думаешь, наблюдатели будут метаться по туалетам в поисках необходимого? Нет, они сторонятся скоплений народа: чем больше людей, тем насыщенней поля и тем сложнее обнаружить искомое. Обычно они курят в сторонке и проверяют подозрительное – парочки, бабушек с тросточками, сутулых пареньков... Я не хуже тебя знаю, как работают ищейки. Не один год от них удирала.

– Мы что, разделимся? – испугалась Аня.

– Да, – я аккуратно убрала остальные подвески под майку, к «глазам», – и у тебя есть час, чтобы поработать над осанкой. Выпрямись. Грудь вперёд, плечи назад. Твой следующий облик – фифа на шпильках, готовься. Личина скрывает всё, кроме голоса и походки с осанкой. И меняется каждый час. И истинные мысли, кстати, тоже прячет, насыщая поле вокруг тебя ложными – пенсия низкая, туфли неудобные, парень не звонит и так далее. Но ты всё равно поменьше думай о том, что сбегашь. И побольше – о соответствующем образу. Или хотя бы о том, что видишь вокруг.

Моя подопечная ссутулилась ещё сильнее, став до того растерянной и жалкой, что я едва не передумала насчёт разделения. Но вовремя напомнила себе, что когда-то у меня дела обстояли не лучше – и ни наставницы не было под рукой, ни защиты, ни плана действий, ни опыта, хотя бы чужого. Выросшая в тепличных условиях, однажды я взорвала своё прошлое, сожгла мосты и ушла куда глаза глядят, имея при себе страх и листок с прозвищем ведьмы-отступницы, жившей где-то в глуши.

– Я справилась, – заметила я негромко, – и ты справишься. Чем ты хуже? Посмотри на меня. Не бойся. И будь добра, подай мне рюкзак.

Она споро присела, дрожащими пальцами застёгивая молнии на рюкзаке. Я оперлась о трость и с трудом встала. Дело к вечеру, а к вечеру, как известно, обостряется всякая га-

дость. А вторую часть исцеляющего заклатья тратить пока нежелательно. Да и большой нужды нет.

– Мы разойдёмся, но двинемся параллельными курсами, – продолжала я, подставляя свободную руку под лямку. – Если с тобой что-то случится, я пойму и помогу. Ты хоть чему-нибудь боевому обучена? Тёмная или светлая?

– Светлая, – поморщилась Аня, и одно это слово объясняло всё. Боевому не обучена. Вообще.

– Дождь сможешь вызвать?

– Зачем? – удивилась она.

– Он успокаивает, – я улыбнулась. – Вода – твоя стихия. Проще и легче уходить под дождём. Не одна. И старуха-шепчущая подбодрит, поможет и подскажет. И её никто не услышит, ни один телепат или инфомат. И твои следы она смое. Сможешь? Иди на выход. И надень наконец амулет – пока это невидимость. Личины начнутся позже, в людном месте.

– А ты? – моя подопечная обернулась.

– Приберусь немного, – я вынула из уха нужную серёжку. – Мы тут потоптались... чрезмерно. Пустота – конечно, тот же опознавательный знак, что и отвод глаз, но лучше она, чем наши планы на будущее и твои маяки. Я быстро.

– Тебе их не провести, – вздохнула Аня, отвернувшись.

– Но это не значит, что не стоит попробовать, – я потёрла в руках очередной «боезаряд». – Иначе не узнаешь, получилось или нет. А узнаем мы об этом к завтрашнему утру точно. А если не повезёт – сегодня вечером. Иди.

Снаружи зашелестел дождь – мелкий, сонный, ностальгический. Не мешающий гулять, не загоняющий в дома, не промачивающий одежду, не скрывающий солнце – тёплая, искрящаяся морось укутала безлико-серый город в радужную шаль. Самое то для приятной прогулки по забытым маршрутам отступничества.

Да, шепчущих не появлялось больше сотни лет. Последней была мать моей наставницы. Она рассказывала, как узнавать, слышать и понимать. А я ей... обещала. И сдержала слово. Нашла, используя все возможные связи, ведьму-шепчущую. Осталось сберечь – для будущего. Активная работа над которым начнётся сразу же, как только я доставлю беглянку в безопасное место.

Нет, она уже началась.

Глава 2

Ну что ж, решено. Новая ведьма, которую можно заирать и на которую можно производить впечатление, –

*это несколько взбодрит матушку,
а Агнесса потом только спасибо скажет.*

Терри Пратчетт «Маскарад»

Стемнело.

Я одиноко сидела на лавочке у железнодорожной платформы и терпеливо ждала своего чуда. Аня должна была

приехать три часа назад, но непозволительно задерживалась. Конечно, она просто испугалась, растерялась, опоздала, снова испугалась и опять растерялась... Но если она не приедет на этой электричке, придётся колдовать и искать потеряшку, хотя я даже в лечебном заклинании себе отказывала, лишь бы не следить магией, и своей подопечной строго-настрого запретила после того дождя использовать силу. Надеюсь, она не наломала дров.

За городом дождя не случилось, и поздний августовский вечер пах остывающим асфальтом, частыми электричками и душной прелостью. Я сидела в облике сутулого парнишки с загипсованной ногой, глазела на густую россыпь звёзд, считала минуты и размышляла.

Конечно, Анята, говоря о «не провести», права. Пока мы потрошили закрома стародавших да изобретали своё, наблюдательская наука тоже не стояла на месте и искала, каждый день искала, чем бы нас прижать. Копалась в головах и знаниях сдавшихся отступников, рыскала по архивам и иногда находила ключи к нашим секретам. И эта «гонка вооружений» продолжается со времён охоты на ведьм. И, четыре года просидев в глуши, я не знала, научились ли наблюдатели замечать человека в личине, распознавать их обманные поля и ломать амулеты, добираясь до истинной сути носителя. Я-то и без личины смогу запутать ищейку – «угли», заключенные в трости, при использовании вносили в ауру изменения, но вот девочка-шепчущая... Если в её смерть не поверят, то

найдут довольно быстро. Остаётся уповать на то, что папа не поднимет тревогу раньше времени, а безымянный действовал по своей инициативе и без приказа от начальства, а значит, его нескоро хватятся.

Да, научились ли – вопрос вопросов... После выжигания «угля» в шрам вшивалось заклятье подчинения наблюдательским ведьмам, но избавиться от него – дело пары минут. Однако целых четыре года это заклятье держало меня в неведении относительно важных событий, открытий, явлений и находок. Подчинение так и не смогло взломать мою защиту, поставленную наставницей, и развязать мне язык, но к любым замкам рано или поздно подбираются ключи, отмычки... или гранаты. И я предпочла не рисковать, ограничив поток поступающей от друзей информации короткими сводками, о которых могли знать те же наблюдательские студенты.

В общем, иного выбора у нас с Анютой нет, только действовать старыми и проверенными методами: переждать ночь в безопасном месте, разведать поутру, что да как – и опять в дорогу, и половина пути, считай, пройдена. А если моя замечательная баба Люба, горячо уважаемая мудрая старая «жаба», как и прежде, живёт в окружении своего многочисленного потомства, то цель становится близкой... как стремительно подъезжающая электричка.

Поезд шумно затормозил, двери открылись, и на платформу один за другим выползли уставшие люди. Я неловко

приподнялась, опираясь на костыль, и привычно помянула «добрым» словом ведьм-палачей и их неизлечимо травмирующие проклятья. Больная нога – такая же броская деталь, как неизменная аура ведьмы-шепчущей, а перебирать лечебно-исцеляющим нельзя: ещё хуже будет, и вообще не встану.

Аня вышла из вагона в облике невзрачной тётки. Я махнула рукой, привлекая её внимание, и поковыляла по платформе к лестнице. Чёрт возьми, не маленькая, должна сообщить, что если я назначила встречу на конкретной станции и скамейке, – значит, здесь жду именно я.

– Эф, это ты? – она догнала меня унизительно быстро.

– А кто ж ещё, – проворчала я, с трудом спускаясь по лестнице.

– Я... извини... – начала моя подопечная виновато.

– ...испугалась и долго думала, надо ли, стоит ли, не вернуться ли, – скучающе перебила я, одолев наконец спуск и внимательно оглядевшись.

Тёмные аллеи крошечного, в двадцать улиц, городка-спутника к приятным прогулкам не располагали, но я решилась ненадолго задержаться. Предупредить-то бабу Любу я не успела. И дорогу к её дому подзабыла – она живёт в таких буераках, что заблудиться проще, чем найти. А пока я ждала... я ждала. Зачем беспокоить человека, вернее, нечисть, раньше времени?

Мы добрались до единственного мигающего фонаря, и я остановилась, прижав к себе костыль и перенеся вес на

здоровую ногу, зашарила по карманам куртки, один за другим вытаскивая маленький блокнот с карандашом, свёрнутый лист бумаги.

– Что это? – Аня явно не поняла, зачем мне посреди улицы понадобилось что-то писать. Да, я бы тоже не поняла.

– «Пейджер», – с иронией ответила я. – Не застала? Но хоть слышала? Это магический аналог, не отслеживаемый и не фонящий.

И, вытащив из-за пружинки карандаш, я перелистнула «старые сообщения» и торопливо вывела на чистой странице: «Чаем напоишь?» А снизу проступило корявое: «Таки бегом давай, дура! Опять шастаешь по ночам голодная!»

Я улыбнулась, «слыша» про себя мягко гэкающий суровый голос, а Аня не поняла:

– Кто это? И почему он... обижает?

– Стиль общения такой – с подзатыльниками по доброте душевной, – пояснила я, убирая блокнот в карман. – Но человек очень хороший. То есть нечисть. Как у тебя с ними?

Моя подопечная пожала плечами: дескать, никак. Я развернула лист, пробормотала наговор, и на чистой бумаге проступил трёхмерный макет городка – улицы с названиями, дома-одноэтажки, бараки и хрущевки с номерами, деревья в крошечных сквериках, гаражные коробки-«ракушки», ограды и заборы.

– Ой... – выдохнула Аня, и её испуганное недоверие сменилось восхищением.

– А это «навигатор», – я определила наше местонахождение, нашла взглядом домик бабы Любы в запутанном лабиринте частного сектора и бросила карту под ноги.

Бумага растаяла, превратившись в туманное облако, и серебристая дымка Млечным путем потянулась по улице, показывая дорогу.

– Ой...

– Идём, – подхватив костыль, я целеустремленно захромала в нужном направлении.

– Это тоже... не отслеживается? – осторожно поинтересовалась ведьма-шепчущая.

– Угу. А люди, если встретятся, не увидят. А теперь молчи и слушай. Баба Люба – «жаба». Нечисть с патентом. Очень старая, поэтому считающая всех младенцами несмышленими. Может и обозвать, и полотенцем огреть. Не дуйся, не то она расстроится, что обидела, и всех зальёт слезами. Затопит – в прямом смысле слова. У неё очень тонкая душевная организация – то засмеётся, то вдруг заплачет, то рассердится, то опять захохочет. Это нормально. Не обращай внимания.

Аня серьёзно кивнула. Мы добрались до переулка и свернули в сумрачные подворотни. Я шагала осторожно, глядя под ноги и высматривая ямы, трещины и прочие «прелести» неухоженных дворов. Многие жители не спали, свет горел почти во всех окнах, но помогало это мало. Дома прятались за старыми берёзами и тополями, кустарники сползали с обочин, посреди дороги внезапно обнаруживался кусок

поребрика. Да и туман-проводник, указывая путь, скрывал препятствия.

– А главное, ничего не бойся, – попутно наставляла я. – Логово «жабы» – это трясина, в которой всё тонет и исчезает безвозвратно. Да, и следы тоже. Любые. И с наблюдательской проверкой нас не найдут. Не заметят, даже если мы будем сидеть на самом видном месте и комментировать поиски. Если «жаба» не захочет. И, защищая *свою территорию*, она может даже соврать. Уникальная нечисть.

– Долго ещё?.. – спотыкаясь, невпопад уточняла Аня.

Вынырнув из очередной подворотни, мы перешли через гравийную дорогу и оказались у частного сектора.

– Минут пять-десять. Сюда.

В частном секторе стояла непривычная тишина. Лишь раз нас ревниво и педантично облаяла собака, выполняя свои служебные обязанности, да позади по дороге с рёвом и визгом пронёсся дурной лихач. Мы брели мимо закутанных в темень низких домиков и изгородей, слыша только шелест листвы да далёкий ритмичный топот поездов.

Туман закончился посреди улицы, у солидных железных ворот. В воздухе затрепетал лист-«навигатор», и я, изловив его, спрятала в карман. И толкнула открытую калитку, заходя первой.

– Закрой, – шёпотом попросила я и устало доковыляла сначала до крыльца, а оттуда, пять шагов, до дачных качелей. Плюхнулась на вожденную горизонтальную поверхность,

сбросила рюкзак, откинулась на мягкую спинку и сняла амулет-личину.

Всё. Перекур. Шуршащие кусты, первые жёлтые листья под ногами, тихое кваканье у крошечного пруда за домом...

– И чего расселася, прынцесса? – грохнула входная дверь, а за ней и зычный бас. – Я тебя, что ль, таскать должна? А ну давай за стол!

– Баб Люб, – я улыбнулась, – как я по тебе соскучилась!

– Не подлизывайся, змея, – проворчал бас, и в квадрате света на крыльце обозначилась устрашающих объёмов тень. – Глаза б мои тебя не видели, засранку...

Я рассмеялась и намекнула:

– Баб Люб, я не одна.

Тень шагнула вперёд и материализовалась в невысокую, чуть ниже нас с Аней, кряжистую фигуру. Моя подопечная издала очередное «ой...» от очередного разрыва шаблона. Баба Люба казалась моложе нас, и её возраст выдавали лишь тяжёлые складки мешков под глазами. Короткие и вьющиеся бордово-красные волосы, широкое лицо, острый нос и не менее острый внимательный взгляд из-под набухших век. Одетая по-спортивно, баба Люба запрыгнула в тапки и сбежала с крыльца.

– Ай-яй-яй! – покачала она головой при виде Ани. – Ай, ты ж змея подколодная! Зачем девочку-то с пути истинного сбила, а? Ребёнок же совсем!..

– Её убить хотели, – пояснила я. – Свои же. Пришлось

срочно уводить. Спрячешь нас до завтра?

– Ай, сволочи ж какие!.. – предсказуемо запереживала «жаба», аж прослезилась. – Бедное дитятко! – и быстро шмыгнула носом. – И голодная, да? Погоди, накормлю... Венька! Владик! – зычно рявкнула она на весь частный сектор. – Живо встали и на выход! Стол поставьте и стулья! И остальное! – и снова повернулась к Ане, добавив успокаивающе: – И накормлю, отдохнёте, сейчас-сейчас...

Две кряжистые фигуры, неуловимо похожие на бабу Любу, шустро забежали из дома и обратно, раскладывая дачный столик, расставляя кастрюли и тарелки.

– Внуки? – я с любопытством посмотрела на мальчишек. На вид лет пятнадцать, но нечисть – это нечисть.

– Пока ты в своём болоте сидела, в моём правнуки родились, – усмехнулась «жаба», лично наливая Ане ухи. – Кушай, дитятко, кушай на здоровье... Вишь, на воспитание сдали.

– Даже не знаю, кому посочувствовать – тебе, пацанам или их родителям, после твоей-то муштры, – ухмыльнулась я.

– Ешь давай, – она замахнулась поварёшкой. – Сидит тут, зубы скалит... Кушай-кушай, дитятко.

Аня, смущённая вниманием, застенчиво ковырялась в ухе, зато я, за весь день потребившая лишь два зелья, наворачивала за троих.

– Ну, пересидишь ты... – баба Люба дождалась, когда я наемся, и нахмурилась: – Ночь-две-три – без проблем. Хоть

неделю. Хоть месяц. Мне прикрыть нетрудно. А опосля куда?

– Утром на разведку, – я достала из рюкзака обезболивающее зелье. – Если всё будет тихо – прямиком в приют. Девочку спрячу... а дальше – как карта ляжет. Главное, её скрыть.

– Я этих лоботрясов отправлю, – «жаба» кивнула, – часиков в пять утра пробежаться. Сына вызвать? Он подбросит, куда надо.

– Нет. Пока, – я качнула головой. – Мои планы всегда развиваются по самому пессимистичному сценарию. Спонтанность привычнее. Доберёмся.

– ...как-нибудь? – баба Люба шумно вздохнула. – Твое вечное «как-нибудь» однажды довело тебя до беды, иль забыла?

– И жизнь не раз спасало, – возразила я упрямо. – Не тревожь ни детей, ни внуков. Утро вечера мудренее.

– Лады, – нечисть смахнула со стола крошки и прямо спросила: – Ждать кого?

– Не знаю, – я взяла чашку с чаем и откинулась на спинку качели. – Мои связи, конечно, прорабатывали, но о том, что мы с тобой дружны, вряд ли в курсе. Не знаю.

– Поняла, – баба Люба встала. – Доедайте да по койкам. Пойду постели постелю и защиту поставлю. Ты кушай-кушай, дитятко.

«Дитятко» же смогло нормально поесть, когда на неё перестала давить опека сердобольной «жабы». Я мелкими глот-

ками пила чай и рассеянно смотрела перед собой, мысленно выстраивая свою защиту, а Аня уплетала за обе щеки всё, что подворачивалось. И, наевшись, неловко поинтересовалась:

– А какая у неё защита?

– О, – я улыбнулась, отвлекаясь от угрюмых мыслей, – злобная и коварная. С друзьями «жаба» – добрейшее существо, а с врагами она жестока и безжалостна. Заведёт в трясину и утопит без раздумий. Всякий, кто ступит на порог её дома без разрешения, сгинет без следа. Да, «жабы» считаются низшими, но у этого народа есть свой магический дар – один на тысячу особей. И баба Люба – его хранительница. Она – страшное существо, поверь.

– А как вы познакомились?

– Дела давно минувших дней, – хмыкнула я уклончиво, вернула чашку на стол и осторожно поднялась на ноги. – Всё, я спать. Сегодня был не самый простой день.

Аня посмурнела.

– Выше нос, – я прихватила рюкзак и поковыляла к дому. – У тебя хотя бы ничего не болит.

Она быстро догнала меня и еле слышно поблагодарила:

– Спасибо.

– Сочтёмся, – отозвалась я. – Ты, главное, не раскисай, не тормози и держись за жизнь. Она даётся один раз, как и дар стародавних. Поняла?

Моя подопечная кивнула.

– А ванна и туалет у бабы Любы дома. Покажу. И чур я первая умываться.

Всё, добраться до дивана в гостиной, раздеться и рухнуть... Что-то я обленилась и отвыкла от тревожной жизни...

– А приют – это что? И где? – донеслось сквозь медитацию, в которую я успела погрузиться, пока Аня делала ванн-ные дела.

– М-м-м... место. Там. Всему своё время. Не отвлекай.

– Но...

– Доберёмся – узнаешь, не добёремся – не будешь знать и не сможешь сдать, – произнесла я резковато. – Приют не для одной тебя создан. И не вздумай колдовать. Выключай свет и ложись спать.

Она затихла, свернувшись клубком в разложенном кресле-кровати. Я вспомнила свой тон и решила извиниться. А потом – её вопросы, и решила, что не стоит. Девочка, кажется, любопытна до запретного... как и все дети. Но иногда чем меньше знаешь – тем дольше проживешь и тем больше памяти сохранишь в неприкосновенности. А с другой стороны, не расскажешь – не дай бог, ринется сама добывать информацию и начудит.

– У приюта нет определённого местонахождения, – кашлянув, сообщила я в темноту. – Он в непрерывном движении. Но те, кто знает траекторию и скорость, могут вычислить, где приют появится в нужное время. Я наблюдаю за

ним постоянно, и ты не первая, кого я туда отвожу. Сейчас приют недалеко от нас. Относительно. Часов пять шустрой машинной езды. И там... В общем, там живут такие, как ты. И немного таких, как я. Наследие стародавших. И те, кто его защищает.

А ответом – сонное сопение. Я шёпотом ругнулась – не то на себя, не то на Аню, – снова растеклась по дивану. Вдохнула-выдохнула, расслабляясь, и погрузилась в медитацию. Вспомнить и вернуться в состояние внимательной настороженности, прозондировать внутренние резервы, понять, на что я способна... И вырубить наконец эту, леший её заberi, дурацкую боль, поставить между нами стену. Отвлекусь на колено – опять лоханусь, как с тем палачом. В лучшем случае. Откровенно говоря, мне тогда дико повезло.

Впрочем, везло мне часто: в своё время наставница долго и упорно заговаривала меня на удачу, как мать Ахилла на неуязвимость. Да, и «пятка» имелась – и она всегда проявлялась, когда я тормозила, не понимая, повезёт или нет. С опытом я научилась не вестись на сомнения и шла напролом, как танк – на силе, заначках и удаче, без планов и долгих метаний. Но эти качества под наблюдательским прицелом пришлось отключить. За поднадзорные годы я стала крайне осторожной, раздумчивой и, да, наблюдательной. И теперь необходимо в кратчайшие сроки этот разноплановый опыт как-то совместить. И настроиться на дело.

...

– Что, не хватает терпезу? – наставница смотрела на меня, весело щуря зеленовато-карие с золотыми крапинками глаза. – Тренируй. Для начала – терпёж. А с ним и медитации получатся легко и просто. Вдохнула-выдохнула – не дыши. Представь, что ты – сытая змейка, которая греется на солнышке...

И я представляла, но растворяться в солнечном свете получалось лишь на минуту-другую.

– И ещё раз. И ещё...

У неё-то терпения было на десятерых. Вечно сытая змейка на жарком солнышке – и всегда спокойная, как удав. Удавка – так называли наставницу любя её подруги-отступницы.

И мне постоянно её не хватает, хотя прошло уже столько лет...

...

– Эф, аптечку в зубы – и на выход.

– Нечисть?

– Нечисть. Помоги-ка.

– Но её рука...

– Отрастет. Перевязывай, живо. И здесь. А здесь зашей, пока я держу. Узнаю, какая сволочь охотилась на эту маленькую «жабку»...

– Маленькую?.. Да ей лет триста!

– Плюсуй лет сто – сто пятьдесят. А это что за пятно на плече?

– Яд. «Скорпион»?

– Верно. Присмотри за ней. Нечисти наши противоядия не помогут: или организм переборет отраву... или она переборет организм. А я пока кое-кому хвост ядовитый оторву.

– А...

– А ты сиди дома. Не готова пока. И не смей меня своими рассказами о Круге. Ничему полезному там не учат, особенно несчастных светлых. А тёмной ты стала недавно и о новой силе знаешь слишком мало. Береги «жабку». Хорошо, что она нас почуяла и смогла доползти. И плохо, что она нас почуяла. Вернись – уйдём. Раз она нашла, то и безымянные смогут. А к ним ты тем более не готова.

...

– Кто это? Только что ушёл?

– Где? Ах, это внучек мой. Не волнуйся, у него такая же память, как у тебя. Под заклятьем. Я всю свою семью обработала, когда уходила, – поставила защиту палача. Никто в ваши мысли не полезет, даже наблюдательский палач – это сразу смерть отдачей, долгая и мучительная. Я запретила семье искать меня, но этот мальчонка... Больно любознателен до всего неправильного. Вы с ним познакомитесь. Потом.

– А почему не сейчас? Опять я не готова?

– Нет. Он. И с одной-то бабкой-отступницей хлебнул лиха, и не приведи дар... Да, кстати, собирайся. Куда-куда... В дорогу. Раз он обнаружил, то...

...

– Ты куда? Мы же только что...

– Не мы, а ты. Я остаюсь. У нас гости.

– Но...

– Да, ты не готова. Но выбора нет. Или мы обе, или только я. Не из чего выбирать, милая. Не плачь. Я довольно пожила и достаточно сделала. Помни, что обещала. Береги девчонок с даром – в них ключ ко всему: и к сакральным местам, и к древним знаниям, и к стародавним договорам, и к нашей свободе. Не плачь, говорю. Беги.

...

Резко проснувшись, я открыла глаза и уставилась в чисто выбеленный потолок. «Беги» – это стало моим девизом и жизненным путём. И потому греться на солнышке змейка так и не научилась. До солнышка ли, когда...

Аня спала, свернувшись калачиком. Я осторожно встала, оделась и заправила постель. Да, не научилась... Зато успела развести личный «террариум». В ванной я с досадой изучила нетронутый сном макияж. Студенты случались всегда так внезапно, что я совершенно не успевала соблюдать имидж, и держался он на заклятье. Которое, к сожалению, кончится только через неделю-другую. А ведь так просто: надел парик и подходящий костюм, выпил обезболивающее – и на пару часов растворился в толпе вечно бегущих людей...

Умывшись, я порыскала по ванным шкафчикам и среди специфических лекарств нечисти нашла ножницы. Тряхнула волосами, перебрасывая хвост через плечо, придирчиво перебрала несколько косичек и аккуратно срезала четыре ко-

ротких «хвостика». Север и юг, запад и восток... Вернувшись в комнату, выбросила своих «змеек» в приоткрытое окно. Через час-полтора узнаю, кто кого где и зачем ищет, да и ищет ли вообще.

Дома, судя по тишине, никого не было, и, устроившись на кухне, я вывалила на стол всё содержимое своего рюкзака, освежая память. Я начала его собирать ещё позапрошлой весной и с тех пор каждый месяц дополняла, дополняла, дополняла... В приоткрытое окно светило солнце, в стекла билась мухи, вкусно пахло выпечкой, на плите что-то деловито попухивало на медленном огне в двух кастрюлях. Банки и склянки, кольца и серьги, браслеты и подвески, ременные пряжки и безобидные на вид предметы вроде пуговиц, шнурков и салфеток выстроились на светлой скатерти в несколько рядов.

Истинная магия, любила повторять наставница, – это не то, что в нас, а то, что вокруг нас. Ветер и солнце, капли дождя и пыль дорог, бой часов и крики улетающих на юг птиц – всё это можно собрать, временно поместить в подходящий сосуд и после использовать, добавив каплю своей силы. А её можно найти всегда. И эти «консервирующие» ведьмовские умения, отнятые наблюдателями у Круга вместе с искусственными «углями» и заменённые на топорные артефакты от сглаза и зелье от насморка, наставница вколачивала в меня долго и методично. Ибо в дороге силы кончаются очень быстро. А бывает, что кончается дорога. Но если есть хоть

одна капля...

Я рассортировала заначку, прикидывая, что можно отдать Ане, что – разложить по карманам, а что пусть пока полежит в рюкзаке. Маловато, конечно, для побега, дома много полезного осталось, но... Что есть – то есть. Хорошо хоть, это успела запасти.

На улице баба Люба громко и заковыристо отчитывала кого-то у ворот. Я рассеянно прислушалась, но её бас заглушал любые звуки. Но обычно она так орала на своих, и я рассудила, что волноваться не о чем. Сгребла со стола амулеты, застегнула рюкзак и поковыляла в коридор до вешалки. Трость ещё надо взять из комнаты, да... Утром ломающая боль не накрывала так, как к вечеру, и я могла позволить себе немного свободы. И – ох уже без меры расторопные палачи... Наставница, конечно, не в счёт, она не была чистым палачом. Так, умело собирала и консервировала крики птиц, улетающих по осени на юг, то бишь остаточную силу чужих заклятий.

Громкий голос бабы Любы затрубил с крыльца, и я настожила. Быстро припрятала амулеты, опустила рюкзак на пол, добралась до входной двери и прислушалась.

– Да иди ж лесом, засранец, со своим мозговыноситељством! Утоплю ж заразу! А ну марш отсель!

Ответивший ей негромкий, интеллигентно ехидный голос я опознала сразу. Надо же, таки совпало и случилось...

– Иди лесом, сказала!

Ай, баба Люба же из-за меня на порог его не пустит – на всякий случай... А он – на машине, со свободным временем, под полезной защитой и вообще...

Отлепившись от косяка, я открыла дверь и вывалилась на крыльцо.

– Илюх, привет. Какими судьбами?

– Эфа! – заклинатель, давно и гордо именуемый себя шаманом и забегающий ко мне за всевозможными консультациями и просто поприятьствовать по старой памяти, просиял, и во всём его напряжённом существе обозначилось несказанное облегчение. – Эф, объясни, будь другом, что я не с проверкой! И, кстати говоря, к тебе.

– Ко мне? – я напряглась. – Сюда? Зачем?

– Да не сюда, – приятель искоса глянул на надувшуюся заклатьем «жабу» и быстро добавил: – Я домой к тебе ехал. В ту избушку. За советом. А сюда заглянул, – и очередной косой взгляд, – просто... пожрать. Уж прости, баб Люб, неравнодушен я к твоим борщам. Проезжал мимо, голодный как волк... Эф, ну хоть ты объясни... Баб Люб! Ты же знаешь, когда люди врут!

– Так то люди, – проворчала «жаба», но сдулась, – а ты, шельмец рыжий... Весь в бабку. Ладно. Погоди, на стол накрою.

И, ловко просочившись мимо меня, исчезла в доме.

– Тьфу ж, чёрт... – Илья шумно выдохнул. – И сюда бабушку приплела... А ты, – и его взгляд стал внимательным, –

опять?..

Да, весь в бабку... И глаза у него – как у бабушки, пронизательные, зеленовато-карие с золотыми крапинками. И такой же рыже-русый выющийся волос. Наставница в борьбе с кучерявостью отрачивала тяжёлые косы, её внук – стригся максимально коротко, но фамильные «барашки» были упрямы и непобедимы.

– Не опять, а снова, – я переступила со здоровой ноги на больную и обратно, ухватившись за перила. – Пришлось.

Он понимающе кивнул:

– Как обычно? Хорошо, не успел доехать...

– А «пейджер» тебе зачем даден? – упрекнула я. – Просила же: предупреждай загодя.

– Да тут, Эф, такое дело... – Илья оглянулся в поисках скамейки, но заметил только недавние качели.

А у меня с утра не болит, и я местами гордая.

– Пойдём пройдемся.

Глава 3

В охоте на ведьм дело вовсе не в ведьмах.

В такой охоте главное – найти козла отпущения.

«Ведьмак 3: Дикая охота»

Мы ушли подальше от дома и остановились между застеклёнными парниками. Там приятель достал из кармана джинсов телефон, нашёл фотографию и молча показал, зачем

ехал. При виде мумии с символами изгнания на черепе у меня испортилось настроение. Всем своим несчастным существом мумия сигнализировала об одном: началось. Опять.

– Знакомо? – он, наклонившись, заглядывал через моё плечо, будто пытался посмотреть на фото моими глазами и увидеть что-то новое и ранее незамеченное.

– Конечно, – уныло отозвалась я. – К сожалению.

– Объяснишь?

– Влезешь же, – возразила я, и по его улыбке поняла, что уже влез и без моих объяснений. – Это дурная история, Илюх. Зачем она тебе?

– Затем, что если такой вещдок попадёт в руки ведьмам Круга, нашим с ними договорам конец, – негромко и серьёзно ответил Илья. – А заклинатели от ведьм зависят очень. Мы – организация молодая, малочисленная, и нам даже собственный опыт копить и обрабатывать недосуг. Мы у ведьм учимся, проходим практику, спрашиваем совета и помощи... Если нас обвинят, заклинатели должны чем-то ответить, кроме как «это не мы». А если и мы – если кто-то из нас, – то предъявить виновника.

– Но мои слова будут всего лишь словами отступницы, находящейся вне закона, – заметила я, возвращая ему телефон.

– Поэтому я и влезу, – спокойно подтвердил он, – но мне нужна отправная точка – кого именно искать, где начинать копать...

– За стол! – раздалось из кухонного окна.

– Точно весь в бабку, – проворчала я, повернулась и побрела обратно. – У наблюдателей есть поверье: ведьма с даром – это ведьма, одержимая духом стародавней. Якобы именно стародавняя служит дополнительным источником силы, и именно её изгоняли из этой несчастной. Кто и где обнаружил мумию?

– Мой учитель. В городском центральном парке. Мы с ним встречаемся раз-два в месяц – обсудить дела и обменяться новостями. Он зашёл за закрытый киоск покурить...

– ...а там – мёртвые с косами стоят, – невесело продолжила я. – Вернее, лежат. Где тело?

– В багажнике, – невозмутимо сообщил Илья.

– Что? – я споткнулась. – Ты и труп с собой приволок?

– Конечно. Учитель разрешил.

– Я кому сказала, за стол! – и следом негромкое: – Дитятко, не в службу, а в дружбу, сгоняй за этими дармоедами, а? Хлопнула входная дверь.

– Эф, это правда? Про одержимость?

На тропинке показалась Аня.

– Вот и проверь, – предложила я. – Перед тобой – девочка с даром стародавних. Ведьма-шепчущая. Из-за которой, собственно, я здесь. Добро утро, Ань. Это Илья, закли... ой, прости, шаман.

Аня замерла настороженно, а любознательный до всего запретного внук Удавки уставился на неё не мигая.

– Никакой одержимости, – доложил он через минуту. – Но

что-то есть... такое.

– Что? – я знала, что именно услышу, и спросила для галочки.

– Следы... касания, – Илья щурился на Аню, как на яркое солнце. – Как будто кто-то хотел пробраться, но не вышло.

– Баба Люба за стол зовёт, – неуверенно кашлянула моя подопечная.

– Пошли есть. И перестань пялиться на девчонку, ты её пугаешь.

– Извини, – покаялся приятель. – Подбросить до приюта?

– А то, – я с облегчением улыбнулась и похромала за топорливо уходящей Аней к крыльцу. – И чем скорее – тем лучше.

– Но пять минут на мумию ты найдёшь?

– На какую мумию? – наострила уши ведьма-шепчущая.

– Трупов не боишься? – уточнила я, осторожно поднимаясь по ступенькам.

– Нет, я с ними работала, – удивила ответом она. – С утопленниками, самоубийцами...

– К столу будет сказано, – фыркнул Илья, поднимаясь следом за мной, – приятного, девочки, аппетита.

– А ну живо завтракать! – снова рывкнула баба Люба и жалобно протянула: – Остывает же!..

Аня стремительно исчезла в доме.

– Если мы немедленно всё не съедим, она заплачет, – предупредила я на крыльце. – Никаких разговоров за столом.

Удовлетворим бабу Любу – и она согласится мумию осмотреть. Нелишнее нечисти обнюхать объект.

– Думаешь, там ещё кто-то потоптался? – приятель придержал передо мной дверь.

– В прежние времена так и было.

Завтрак обильностью и плотностью походил на обед, но мы умяли всё, от борща до блинов, быстро и без разговоров. За кофе я объяснила «жабе», зачем здесь «рыжий шельмец», и она коротко велела перегнать машину в гараж и крикнула Веньку-Владика, чтобы те сбегали и открыли ворота. Илья в это время уже показал Ане мумию, и ведьма-шепчущая, изучив фото, уверенно указала:

– Маг поработал. Видишь, глазница с одного бока светлая, как налетом покрытая? Это след от ментальной иглы – от заклятья принуждения.

– Получается, трое убивали – наблюдатель, ведьма и заклинитель? – приятель убрал телефон и помрачнел.

– Четверо, – я встала, чтобы сходить за тростью, – и нечисть. Ты не увидишь её следов, потому что не знаешь, где искать и кто убивал. Это запрещённая особь. Якобы истребленная.

– «Медуза», – подтвердила «жаба», убирая посуду. – Отсюда её чую. Думала, ты с собой приятеля приволок.

– Баб Люб, – Илья достал ключи и посмотрел на неё с упрёком, – я сколько лет с нечистой работаю? Я чту *вашу* территорию. Все мои... подопытные в глубокой спячке. Да

и запрещённой нечистью я, законный член заклинительской общины, точно не светил бы на каждом углу.

– Ну, прости дуру старую, – нечисть виновато улыбнулась. – Дитяtko защищала.

– Блинов с собой дашь – прощу, – расщедрился он.

– Кыш, – баба Люба беззлобно замахнулась полотенцем, – шантажист выискался... Вот выгоню в шею, и ага.

Через десять минут мы собрались в гараже у открытого багажника, даже правнуки «жабы» просочились и, шумно принюхиваясь, перешёптывались в углу, у стойки с тяпками и лопатами. Своей машины у бабы Любы не было, и гараж она использовала под сарай.

Сама же «жаба» первой поморщилась на мумию и с прежней уверенностью повторила:

– «Медуза».

– Смотрите, – я встала сбоку, опершись о трость, – видите чёрные подпалины по кожному покрову? Старые электрические ожоги. Колдун обездвижил, нечисть пытала, ведьма прикрыла, заклинитель изгонял.

– Зачем пытать-то? – нахмурился Илья, склонившись над багажником, подсвечивая телефоном и изучая указанные подпалины.

Аня любопытственно топталась рядом, заглядывая через его руку.

– Чтобы рассказала, как изгнать то, что в ней есть, и изгнать наверняка, – я залезла в карман, перебирая амулеты. –

Думаю, я смогу визуализировать несчастную. Восстановить внешность до нападения.

– Так ведь одержимости нет, – приятель выпрямился.

– Но есть следы, – я достала тонкую цепочку-браслет. – Заметил же, что... стучались.

– Погоди, – Аня поняла и побледнела, – они так находят нас и... убивают дар?

– Верно, – я одобрительно кивнула, – дар стародавних – главная цель, не ведьма. Наблюдатели не верят в то, что ведьмин дар – стихийное и естественное явление, в некоторых случаях усиленное наследственностью. Они полагают, что его передают или пробуждают мёртвые стародавние – их неуспокоенные духи. Именно стародавних и пытаются изгнать навсегда, чтобы больше не приходили, не пробуждали и не обучали.

– Идиоты, – хмыкнула баба Люба, – кто им сказал такую чушь?

– Не знаю, – я пожала плечами, – может, кто-то из расколовшихся отступников. А может, архивные записи неправильно перевели со старославянского.

– Эф, – Илья посмотрел на меня в упор, – скажи без уверток: есть одержимость или нет?

Я покосилась на Аню и вздохнула:

– Это не одержимость. Это... наставничество. Да, есть. Некое подобие.

– Венька, подай стул, – «жаба» заметила, что я устала сто-

ять.

– Спасибо, – я села на табуретку. – Я хотела рассказать эту легенду позже, на месте... В старину обучение отличалось от современного – школ Кругов. Ведьмы постигали мастерство владения «углём» у старшей рода – это первая ступень, контроль внутренней силы. А вторая ступень – изучение дара, который в те времена появлялся практически у всех ведьм, – преподавалась Верховными. Их было двенадцать: Великая шепчущая, Мудрая ведающая, Древняя зовущая, Вещая видящая, Праведная идущая, Вечная слышащая, Истовая помнящая, Обманчивая спящая, Верная помогающая, Искренняя хранящая, Светлая дарящая и Тёмная приводящая. Они отличались избирательностью, и в ученики к ним попадали самые из самых, но уж если Верховная бралась учить, то навсегда. *Навсегда*, – повторила я выразительно.

– И они по-прежнему приходят к потомкам самых-самых? – Аня смотрела на меня с таким священным трепетом и восторгом, точно я была одной из древних Верховных.

– Да. Они никуда после смерти не ушли. Первые Верховные остались в тонких слоях мира и по-прежнему учат тех, кого считают достойными знаний. Когда ты слышишь воду, то говорит с тобой именно Верховная – Великая шепчущая. И сразу скажу: изгнать её невозможно. Мёртвые стародавние ведьмы – это не какие-то бесы, они уходят лишь тогда, когда сами того хотят. Но наблюдатели отчего-то считают иначе. И каждую, на ком находят, как ты, Илюх, говоришь, следы

касания, ждёт вот такая вот, — я указала тростью на багажник, — участь.

Аня сглотнула.

— Но можно уничтожить потомков, — добавила я. — Вырезать под корень всех, в ком есть спящий дар. У наблюдателей на каждую ныне живущую ведьму есть подробнейшая родословная, и они давно и целенаправленно отслеживают тех, в ком может проснуться дар. Собственно, стихийно он проявляется в любой ведьме, но в потомках учениц дар более сильный, более... ранний. А значит, и пользы от него больше. Тебя, Анята, пасли давным-давно, но, видать, свободного заклинателя поблизости не нашлось. Или нашёлся, но слабенький. И на «опознание» повезли ко мне.

— К счастью, — тихо вставила баба Люба. — Бедное дитячко...

Повисло молчание. Аня с ужасом смотрела на мумию, «жаба» сочувственно и слезливо — на «дитячко», а Илья задумчиво — и явно что-то задумывая — на меня. И я предполагала, что именно он замыслил. Но делала вид, что тоже интересуюсь мумией. Да, если попросит — пожалуй, соглашусь. Четыре года на одном месте просидела — свихнусь же в приюте... Но прежде оповещу о своём положении начальство и поинтересуюсь его планами на мою персону. Вдруг дело, которое я начала, но не довела до конца, в связи с мумиями получит долгожданное продолжение.

Пока каждый занимался своими мыслями, я встала, по-

дошла к мумии и аккуратно обернула вокруг ссохшейся руки цепочку-браслет. И мумия начала «обрастать» плотью: вернулись светлая кожа, бессмысленные серые глаза, русые с проседью волосы, одежда – длинная тёмная юбка, полосатый свитер, коричневый плащ.

Аня коротко всхлипнула и отвернулась. Узнала. А мне всё объяснил подмигнувший рыжим – «разбавленной кровью» – браслет.

– Знакомое лицо... – Илья снова склонился над телом. – Кажется, это ведьма из нашего Круга. Да, точно, левая рука Верховной. Пропала без вести с год назад.

– Её тетя, – дополнила я, кивнув на всхлипывающую шепчущую.

– Чёрт... – растерялся и расстроился приятель.

Я подковыляла к Ане и обняла её за плечи:

– Пойдём-ка отсюда. Пойдём-пойдём...

И на крыльце, проревевшись, ведьма-шепущая путано рассказала: как все гордились тётей – и как папа боялся, что если она оступится, именно его отправят «говорить» с сестрой; как она пропала, уехав исследовать логово подозрительно сгинувшей поднадзорной отступницы, где могла завестись хуфия; как они искали, как всё равно верили и не теряли надежды...

– Я н-не отдам её... н-на вещдоки, – закончила Аня воинственно, вытирая щёки. – Её п-похоронить надо. П-папе.

– Потом, – я заметила, что по ступеньке поползла одна

моя посланница-«косичка». Следом – вторая, третья. А вот четвёртой не было. – Пора уходить. Илюх, – окликнула я, – если ты не передумал помочь нам с приютом, то заводись.

– А он кто? – очнулась моя подопечная.

– Свой. Достался в наследство от наставницы, – я встала, – вместе, кстати, с бабой Любой и прочими секретами, артефактами и планами. Илья – внук отступницы Удавки. Мы давно знакомы.

Анюта традиционно ойкнула и поспешила в дом за курткой. Я собрала свои вещи, но уйти сразу не получилось: баба Люба, зверски нахмурившись, заявила, что пять минут нам погоды не сделают, и если мы не возьмём с собой её стряпни, она не пустит нас больше на порог. Я расшифровала это как «помогу – трясина врагам народа обеспечена» и привалилась к стене, держа наготове открытый рюкзак.

– И дорога дальняя, и мужчина с вами, гораздый с голодухи сворачивать куда не попадая... – баба Люба набила под завязку мой рюкзак и вручила пакет. – Едете куда?

– На запад, – я надела рюкзак и послушно взяла тяжёлый пакет.

«Жаба» прищурилась сквозь дверь и улыбнулась:

– У вас час, дети. Через час вы должны гнать по трассе во весь дух. А по городу и окрестностям будет ни пройти ни проехать. Дитятко береги, поняла? Ну и в гости – всегда рада. Сама знаешь.

– Баб Люб, ты лучше всех, – я быстро чмокнула её в щеку

и вышла из дома.

– Спасибо, – тихо добавила Аня и выскользнула за мной.

– Впереди сядешь, – предупредила я свою спутницу, ковыляя к воротам. – И ничего не бойся. Выберемся.

Она нервно съёжилась и судорожно вздохнула. А я вспомнила голос старухи-шепчущей и *попросила*. Ни к чему нам сейчас страхи, истерики и прочее стопорящее. Коли явилась и подставила – так пусть и дальше присматривает за выбранной.

«Рыжий шельмец» уже вырулил из гаража и ждал нас в машине. Проходя мимо багажника, Аня шмыгнула носом, и, пристёгиваясь, сдержанно всхлипывала. Илья, порывшись в бардачке, молча выдал ей упаковку салфеток, обернулся, убедившись, что я устроилась со всеми удобствами, посигналил на прощание, и мы поехали.

Пока медленно выбирались из городских колдобин, я перебрала всё амулетное, что распихала по карманам, и задумалась о четвёртой своей «змейке». Руки чесались срезать ещё пару косичек и оправить их в восточном направлении – по следам потеряшки, но... Если её уничтожили, то сделал это тот, кто хорошо разбирается в отступниках и знает меня лично. И понимает, что раз я жива, то девочка-шепчущая – и давным. Только зря силу потрачу и повторно напомню о себе.

Эх, Анюта, кому же ты так не нужна-то? В общих чертах знаю, но – изловить бы сволочь да допросить...

Городок закончился. Илья выехал на трассу, пристегнулся и втопил. Я посмотрела на часы – за сорок минут упрямились. Значит, у бабы Любы будет в распоряжении больше территории – часть трассы успеет захватить... В окне замельтешили, то появляясь, то пропадая, одинокие домики, желтеющие рощицы и поникшие кустики. Неизменным оставалось только глубокое, ясно-солнечное августовское небо.

– Эф, ты хорошо помнишь, где искать приют?

Вот смотрит в зеркало заднего вида, щурит глаза – и меня берёт такая тоска по наставнице... Рано она ушла, слишком рано. Многое успела сделать, да: придумала концепцию приюта и защиту, спасла многих «даровитых» и обреченных на казнь... И могла бы сделать ещё больше, если бы осталась в приюте, а не рисковала каждый день, выслеживая, визнавая, собирая сведения о дарах и их владелицах. Но...

– Угу. Скажу, где тормознуть. Но на такой скорости часа четыре ехать, – я положила на колени трость и погладила белый камешек, ощущая тепло целительной силы.

Сутки почти прошли, то есть пора тратить вторую часть исцеления. К сожалению, лечебные заклятья действуют недолго, а при частом использовании перестают работать вообще. Я старалась не трогать их как можно дольше и дробить одно на части, хотя соблазн ненадолго ощутить себя нормальным человеком был ой как велик.

– Чего ты боишься? – снова не выдержал Илья.

– Преследования, – я крепче сжала трость. – И оно будет.

Следи за своей частью дороги. А я послежу за своей.

Анюта затихла и задремала, вжавшись в кресло и отвернувшись к окну. Наконец-то...

– Старая перестраховщица... – усмехнулся приятель, нарочно напоминая о моём широко известном в отступнической среде прозвище.

Которое я получила и за то, что обдумывала все вероятные и не очень варианты, и за то, что готовилась сразу ко всему – и к вероятному, и не очень. И, пытаясь усидеть на нескольких стульях, частенько оказывалась понятно где.

– Илюх, вот ей-богу, стукну, – я насупилась. – Не отвлекай.

– А всё-таки? – его глаза стали серьёзными. – Готова?

Я фыркнула:

– Конечно. Сдаваться и сдавать вас не собираюсь. А если тебя интересует, способна ли я на что-нибудь, кроме советов, после выжигания «угля», то да, способна. На всё. Как прежде, и даже больше. У меня после четырёх лет медитаций и относительного покоя знаешь, какой резерв?

– Я так и не понял, кстати, зачем ты сдалась, – заметил он, полуобернувшись. – И почему позволила выжечь «уголь».

– Организм – подлейшая штука, – я снова прикоснулась к белому камешку на трости. – Он плюет на твои планы и подводит в самый ответственный момент. Если бы не травма, меня бы до сих пор искали. Но бегать с такой приметой даже под личиной оказалось себе дороже. Дважды здоровье

подводило. Третьего раза я ждать не стала.

– А приют? – напомнил Илья.

– Ты там бывал? Нет? Поживи неделю. Захочешь куда угодно – хоть в опасность, хоть к наблюдателям. Тоска смертная. И все хотят учиться. Только я всех этих учеников в гробу видела. С венками «От любящей наставницы» на переднем плане. Это совершенно не моё.

– А как же «змейка на солнышке»? – он весело прищурился.

– погоди, приедем... – я погрозила тростью.

– О, жду – не дожусь, – оживился приятель. – У меня столько вопросов...

– Ну вот... – я таки стукнула его тростью по плечу. – Собрался за убийцей, камикадзе?

– А ты нет?

Я прислушалась к сонному Аниному дыханию и понизила голос:

– При девочке молчи. А то тоже захочет. Тогда нас точно прикончат, и хорошо, если быстро.

– Значит, ты за? – он обернулся.

– Нет, – сухо отрезала я, глядя в окно. – Ты даже не представляешь, куда лезешь.

– Почему же, представляю, – Илья тоже уставился в окно, и его голос стал таким же сухим. – Четвёркой убийц пудри мозги наивной Анюте и доверчивой бабе Любе. Ты, Эф, постоянно забываешь, что я не только внук Удавки. Бабушка

– и моя наставница тоже. Не было четырёх. Был один. Безымянный.

Я заинтересованно подняла брови:

– Да?

– Меня смущает один момент, – деловито сказал он. – «Медуза». Заклинательский дар несовместим со стихией – с ведьминым «углём», но он прекрасно уживается с типично мужским колдовством вроде телепорта. Такие ребята – редкость, но они есть. У нас человек пять работает, а у наблюдателей их по-любому больше. Мы наблюдателей терпеть не можем, но не все успевают от них удрать, и кто-то из заклинателей, в ком колдовство проснулось раньше, воспитывается и работает вне нашей системы, по другим принципам и правилам. То есть в случае с нашей мумией это уже минус один человек.

– А ведьма? – напомнила я.

– Ещё проще. Наблюдатели же сидят на древних знаниях. Ваше с бабушкой умение консервировать в артефактах боевые заклятья – от стародавних. Значит, у наблюдателей эти знания тоже есть. Трудно ли подготовить пару посвященных для создания необходимых амулетов? А пользоваться ими могу даже я. Вот и минус ведьма. Остается «медуза». Но это, если архивы не врут, единственная нечисть, которую невозможно взять под контроль и заставить что-то делать. Бесы – и те берутся. А «медузы»... Испугаешь – разрядом вдарят, и поминай как звали. Даже духом в амулет не пойдут, ес-

ли предложить тьму, спячку и спасение. Никакого инстинкта самосохранения. Раскрой секрет, Эф.

– Не могу, – я развела руками. – Нечего раскрывать, Илюх. Я решаю эту загадку с ученичества и унаследовала её вместе с планами наставницы на будущее... да и на прошлое. Не знаю ответа. Кроме одного.

– Какого? – Илья снова обернулся.

– Я очень хочу отловить хоть одного безымянного. Сначала живьём взять и допросить, протестировать... А потом сдать хорошему патологоанатому. Для подробных анализов. Подозреваю, он найдёт ответ на твой вопрос. Но эти сволочи живьём не даются. Увы.

– А если подумать?

– Думай, – согласилась я. – А то у меня пока получается только быстро убивать.

– Правильно бабушка говорила, это всё оттого, что ты взрываешь бомбу там, где нужен один точный выстрел. За что тебя Эфой прозвали?

– Ни за что, – я снова уставилась в окно, – это имя бывшей ученицы твоей бабушки, которая глупо погибла незадолго до моего появления. Я взяла её имя и внешность, чтобы скрыть свои. И, знаешь, когда ребром стоит вопрос жизни и смерти, бомбы – они надёжнее. Ни случайных осечек, ни забытых затворов, ни внезапно дрогнувшей руки... Ты всегда жил в относительной безопасности, и не тебе осуждать мои методы.

– Мы к ним ещё вернёмся, когда подробнее обсудим де-

ло, – невозмутимо пообещал Илья. – Поскольку оно будет общим, а я как раз предпочитаю точные выстрелы...

– Боюсь, не поладим, – я глянула на «машинные» часы, прикидывая время. – И в охоте на безымянного заклинатель – ой, прости, шаман – уж прости, немного не в тему.

Он не обиделся.

– Ты никогда со мной не работала – так откуда тебе знать, на что я способен? – и глаза в зеркале улыбнулись.

– Я могу вывернуть тебя наизнанку за три минуты, – я оценивающе посмотрела на его затылок. – Ладно, за пять. А через полчаса, разложив информацию по полочкам, я буду знать о тебе *всё*.

Илья удивил, с готовностью согласившись:

– Делай. Хоть сейчас, если это неопасно для дороги. Мне скрывать нечего. И так будет проще состыковаться.

Я вздохнула и призналась:

– Илюх, бабушка просила тебя беречь и ни во что отступническое не впутывать. Я обещала. И как состыковать обещание, данное человеку при смерти, и твоё дикое стремление самоубиться с особой жестокостью?

– Очень просто, – его глаза снова улыбнулись, – работать вместе. Вместе у тебя будет шанс выполнить обещание и сбросить меня. А врозь – нет.

Я честно и напряжённо сочиняла достойную реплику минут пять, наплевав на то, что Илья бросил дорогу, опять обернулся и с интересом наблюдал за моим мыслительным

процессом. Ответ придумался только один, примитивный и безнадёжно констатирующий факт:

– Засранец.

– Забыла сказать, что весь в бабку, – хмыкнул он.

– Нет, твоя бабушка была женщиной мудрой, осторожной, понимающей и рассудительной, – проворчала я, поёрзав и чуть сменив положение вытянутой, насколько позволяло место, больной ноги. – А ты...

Ощущение опасности накатило морским прибоем. Безмолвное движение бугра волны, мгновенное перемещение далекого и безобидного с виду водяного валика – и резкий выплеск, и грозный рёв, и оседающие на лице солёные капли. Я даже ладонью по щеке провела, столь сильным было чувство, что меня обрызгало. Посмотрела на сухую руку, быстро сложила дважды два...

– Тормози.

Илья без споров остановился на обочине и вышел из машины. Открыв дверь, я выбралась наружу и замерла, прислушиваясь, принимаясь, всем своим существом вбирая повисшее в воздухе напряжение. А оно разливалось ощущением скорой грозы – душным воздухом, притихшей природой, чёрной полосой туч на горизонте. Закрыв глаза, я слушала шелест сухих трав и желтеющей листвы, чириканье одинокой птицы, вялый шёпот ветра и глухое пыхтение ползущего параллельно трассе товарняка.

– Они знают, – пояснила тихо. – Знают, нашли и ждут.

Не ошиблась Анюта. К сожалению. Надо избавляться от бесполезной оседлой привычки думать об этом завтра, и поскорее. Хорошо хоть, четыре года «мирной» жизни не ослабили до потери рефлексов.

– Куда? – коротко спросил Илья.

Если бы я была наблюдателем, то по следу бы не пошла. Нет, преследование отступниц – это всегда вероятность грандиозного минного поля. Если бы я была наблюдателем... я бы опередила и ждала на месте. Или рядом. Так, чтобы и на обитательниц приюта не нарваться, и намеченные цели ликвидировать. Глупо верить, что наблюдатели чего-то не знают. Они просто боятся лезть в осиное гнездо. Но – знают. И, ясно дело, наблюдают.

– Поедешь другой дорогой, – я достала из кармана куртки «навигатор» и разложила лист на багажнике. Бумага сразу вспучилась жгутами двух дорог – автомобильной и железнодорожной, лесными рощицами и пятнами желтеющих полей. – Смотри, мы здесь. А приют находится здесь, – я показала место на карте, и вдоль него поползла пунктирная линия, обозначающая невидимое. – Ворота – здесь. И недалеко от них нас и ждут, зуб даю. Но кроме ворот есть пара калиток – здесь и здесь. По бездорожью ехать, конечно, то ещё «удовольствие»... но у тебя же наверняка есть какая-нибудь приблуда на случай, если. Кто-нибудь из твоих подопытных способен дать в глаз наблюдателю? – уточнила на всякий случай.

– А ты? Метлой?

– Нет, на танке... Так способен?

– Разберусь, – сухо ответил он, щурясь на бумагу и запоминая ориентиры – поле да две редкие рощицы, меж которыми притулился приют отступников. – Прорвёмся.

– Если что, тарань стену, – посоветовала я, сворачивая лист. – Случалось, стена сама открывала проход ведьме с даром. Только своих подопытных оставь за защитной стеной. Или усыпи покрепче. Помнишь, кто стал основой приюта? Так блюди *территорию*.

Аня никак не отреагировала на внеплановую остановку, продолжая крепко спать.

– Её часом не заколдовали? – Илья, едва вернувшись за руль, выглянул в окно. – Эф, проверь. Спит, как убитая.

Я заглянула в салон с заднего пассажирского кресла и прислушалась. И снова *услышала* – звонкая капель, убаюкивающий шелест дождевых струй.

– Нет, она... – я замялась, подбирая нужные слова. – Она... общается. С наставницей. Мёртвые знают обстановку лучше живых. И лучше нас понимают, что делать, – и взяла трость, умолчав о своей *просьбе*. – Удачи, Илюх.

– До встречи в приюте, – он кивнул.

Я захлопнула дверь, и через минуту машина пьяной улиткой сползла с трассы на обочину. И я велела себе верить в лучшее. Илья – действительно не только внук Удавки, не просто родная кровь. Справится. А мне пора собираться с силами и идти разгребать собственноручно созданные про-

блемы.

...сколько меня предупреждали старшие ведьмы: ежели гадаешь и предполагаешь – думай о том, что проще, легче и безопасней... Но как о стенку горох. Лёгкие пути мне не давались совершенно. Начиная с того, что я в них не верила, и заканчивая... видимо, натурой. Или кармой. Или естественной расплатой за искусственную удачливость. Или бумерангом за многочисленные отступнические гадости. Или...

Заклучив себя в квадрат, я стукнула пяткой трости по его центру. Мигнул охровый «змеиный глаз», и крайняя часть трассы превратилась в ленточный эскалатор, унося меня вперёд. Опершись на трость, я шурилась на ясное синее небо, вспоминала недавний морской прибой и считала возможных противников. И хоть бы одного наконец живьём взять...

Глава 4

Всё – или волшебство, или ничего.

Новалис

Место для засады Анютины фанаты выбрали изумительное – чистое поле. Пройдя последний километр пешком под покровом невидимости, я остановилась на обочине и покосилась на безобидный пасторальный пейзаж. Как и обещала баба Люба, все любители загородных прогулок завязли в её болоте, трасса пустовала, и я безбоязненно вышла на сере-

дину, изучая диспозицию.

Ссохшаяся под палящим солнцем недавно жаркого и удивительно длинного для Сибири лета трава, затянутое перистой дымкой небо, срывающаяся в короткий обрыв трасса, одиночные пыльно-жёлтые кусты по обочине. И всё бы ничего, но здесь *так* шумели... Сопели, тяжело дышали, возились. И, прости господи, воняли. Последнее августовское солнышко не спешило сдавать свои позиции осени и пекло нещадно. Я в расстёгнутой косухе вспотела, пока добиралась, а фанаты тут сидят часа три, если не больше.

Я насчитала пятерых и неопределённо хмыкнула. Наблюдатели на моей памяти давно не имели дел с ведьмами, владеющими несколькими сферами силы, да и те попадали в их руки уже выжатыми после схватки с палачами, а я не спешила расставаться со своими секретами даже в пыточных. После нескольких лет жизни в постоянной боли это последнее, чем меня можно напугать и сломать. Они *позволяли* мне творить искусственные «угли»: дескать, чем бы дитя ни тешилось, всё равно скоро содохнет. Или, что вероятнее, ощущая скорую мумификацию, наконец, расколется.

Вот только все семь моих «углей» – настоящие, природные. Дары тех, кто оказывался на краю мумификации и хотел помочь общему делу. Трость в моих руках шевельнулась, и змея зашипела, раздув клобук и являя ещё два «глаза» – голубой и зелёный.

Первое желание спалить к чёртовой матери степь вместе

с горе-осадниками я задавила в зародыше. Нет, всё слишком просто... И именно так я и попалась палачу – на простейшую иллюзию. И если бы не моя удача... Нет, пока никакого «бомбометания». Таимся, слушаем, ждём. Думаем. Я осторожно сжала рукоять трости, заставляя себя расслабиться и раствориться в пространстве. Я – всего лишь перистое облачко, камешек на дороге, змейка на солнышке... воздух, которым вы, сволочи, дышите.

Первый сидел в десяти шагах от меня, на обочине дороги. Второй – чуть дальше, в обрыве за обочиной. Третий – на противоположной стороне, и я недавно прошла буквально в шаге от него. Четвёртый – поодаль. И пятый – далеко, у кромки леса, почти у ворот приюта. И в этого только «стрелять». Если поврежу взрывом ворота, мне же их и чинить. Или, не приведи дар, охранять. Ещё шестой мерещится, но, скорее всего, он тут незримо – мыслью, наблюдающей за ходом пьесы. А самый опасный...

Определившись с раскладом, я нить за нитью потянула из трости силу, сплетая вокруг воздушной основы сложную «бомбу». Не люблю убивать. Не люблю, когда меня вынуждают убивать. И не люблю убивать детей. И пусть следящий получит массу информации о моих способностях, пусть Анютины фанаты – наблюдатели... Но, заberi их дар, ведь дети же. Глупая молодёжь, которую пригнали к логову отступников как проверочное «мясо»... и среди которой могут оказаться и те, кто работает на нас.

Воздушная сфера в моей левой руке стала видимой, засияв жёлтым, льдисто-белым и прозрачно-синим. Прежде чем Анютины фанаты успели вскочить на ноги, я грохнула сферу об асфальт, и неудачливая четвёрка застыла в нелепых позах, запертая в пространственной петле. Жёлтые нити в считанные секунды расползлись по дороге и обочине, добравшись даже до пятого наблюдателя, забираясь по обездвиженным телам лианами – и губкой вбирая чужую силу, погружая организмы в тяжёлый сон.

Я дёрнула петлю на себя, скручивая ребят вокруг воздушного столба, и отпустила нити силы, позволяя западне сползти с трассы в обрыв. И набросила сверху полог невидимости. Воздуха им хватит на пару часов, и заклятье за это время рассосется. Или кто-нибудь примчится на выручку. Или приютные отступницы к рукам приберут. Этим только намекни – у них дикая нехватка мужского населения...

Выдохнув, я подковыляла к обочине и села, вытянув ноги и положив трость на колени. «Мысль» тоже исчез, и я опять растворилась в пространстве, подставив лицо солнцу. Слишком просто. Конечно, смешанная магия ломает любые амулеты, и браслет, заговоренный отбивать заклятья огня, беспомощно сгорит, если добавить к пламени ускоряющийся ход времени... Но всё же. Мало. То ли проверка на вшивость, то ли странная облава... Не понимаю.

Пространство озадаченно молчало, как и воздух. Но внутри меня по-прежнему шумело ощущение прибоя – и опас-

ности, и я, наскребя по сусекам терпения, сидела и ждала. И дождалась.

«Мысль» вернулся. Я ощутила его присутствие в резко сузившемся пространстве и плавно погладила по рукояти трость, сипло прошептав:

– Чувствуешь? Хватай!

И змея ожила, зашипев и оскалив ядовитые клыки. Короткий молниеносный бросок в пустоту – и змея вернулась в привычное положение. Не удержала и не притащила, да, но... Она повернулась и снова зашипела, демонстрируя окровавленные клыки. Что ж, если «мысль» в течение минуты не найдёт противоядие, то мы больше не увидимся. Увы и ах.

Я посидела ещё минут десять, внимательно зондируя пространство и тщательно сканируя воздух, но тревожных сигналов больше не поступало. И волны вернулись в море с отливом, как обычно не оставив ни одного пленного «языка». Перехватив трость, я прицелилась, и змея выплюнула ядовито-кислотное облако. Сизая дымка впиталась в асфальт, «прибирая» за мной и стирая следы смешанной магии.

– Спасибо, дорогая, – я улыбнулась змее. – Спи.

По деревянному телу прошли короткие судороги, змея снова стала тростью. Я от души глотнула обезболивающего, осторожно встала, отряхнула джинсы и вздохнула, собираясь с силами. Предстояло ещё одно дело – добраться до ворот на своих двоих, ибо «эскалатор» кончился, а летать я не риско-

вала: эта красивая магия слишком фoniaщая. Она оставляла после себя не только яркий хвост – транспарант с надписью «Здесь была Эфа», но и мелкие камешки – пояс астероидов, по которым можно вприпрыжку добраться до места ведьминой посадки, минуя любые защитные преграды, даже стену приюта. Да и с воздухом дела у меня складываются не очень. Поговорить с ним – да, убить им – да, доверить себя – нет.

– Ну что, подруга, – вполголоса произнесла я, – с даром... И не будь раззявой. От этих уродов можно ожидать любой гадости, кроме глупости.

Напоминание оказалось чрезвычайно уместным. «Мысль» ожидал меня недалеко от ворот приюта – под столетней сосной, в гордом одиночестве, не прячась за невидимостью и выжидательно дымя сигаретой. Я остановилась, едва его заметила. Невысокий плотный старичок с добродушным лицом и ледяными глазами приветственно улыбнулся. Почти получилось.

– Доброго дня, Эфа, – поздоровался он. – Поговорим?

С этого слова так часто начинались все мои неприятности, что я невольно передёрнула плечами, а змея снова «проснулась», зашипев, раздув клубок и засияв всеми «углями» сразу.

– Не надо, – наблюдатель поднял руку. – Я в курсе, на что ты способна. И понял, что «угли» настоящие. Ловко ты нас обставила, ничего не скажешь.

А ты, ясно дело, проверял, гад подколодный. Подкинул

мальчишек, убивай – не хочу. А сам смотрел, что я использую, как использую... И загодя обвешался защитой – и где только взял амулеты против «смешанки»... Выходит, наблюдательские ведьмы тоже её практикуют, нарушая закон о «нельзя, не то на костёр», наплевав на стародавний Договор, в который так любят тыкать носом отступников. Причём, как и мы, они смешивают не только сферы – и огонь с пространством, но и направления – свет с тьмой, чтобы первое забивало излучения от второго и обманывало наблюдательские маяки. Грязно играете, господа безымянные... Подло и по двойным стандартам.

– Предлагаю сделку, – он достал вторую сигарету, – ты возвращаешь нам девушку, а мы вычёркиваем тебя из списков. Живи не скрываясь, никто тебя и пальцем не тронет. И, кстати, – холодный взгляд опустил на моё покалеченное колено, – я договорюсь с палачом, и она снимет проклятье. Выздоровеешь, заживешь нормальной жизнью... А?

На упоминании о палаче я, признаюсь, дрогнула. На секунду. Но всё остальное вызывало смех. Издевательский.

– Ну да, – с иронией откликнулась я, – а пока я буду жить, так сказать, полной жизнью, вы, безымянные, продолжите разбрасывать по городским паркам искалеченные мумии с татуировками изгнания на лбу?

– Какие мумии? – натурально удивился наблюдатель.

– Ой, мне-то мозги не пудри... – я поморщилась и сняла с пальца кольцо, швырнув амулет на землю. – Вот эти. Не

узнаёшь?

Кольцо материализовалось в иллюзию мумии в открытом багажнике. Безымянный уставился на неё не мигая – и я бы даже сказала тупо, – если бы не знала, какая гигантская работа мысли сейчас ведётся вне поля зрения. Спустя минуту он отвел глаза:

– Это не мы, – заявил хрипло, но твёрдо.

– Ну да, ну да, – лицемерно поддакнула я. – Конечно, не вы. Это всегда не вы. Вот уже которую сотню лет не вы. Вы, конечно, девочек с даром собираете в безопасном месте, оберегаете, растите и обучаете...

Наблюдатель скрипнул зубами, затоптал недокуренную сигарету и невыразительно сказал:

– Шепчущим в этом мире не место.

– Почему же? – резко спросила я. – Кто вы такие, чтобы решать, кому в мире место, а кому – нет? И кто дал вам право осуждать на смерть детей? Дар ведьмы – естественная часть волшебного мира. Вам не кажется, что мы имеем право жизнь? И на договор?

Разумеется, для безымянного мои слова были пустым звуком.

– Отдай Анну, – велел он спокойно. – Сейчас же. Иначе...

И после этого волшебного слова за его спиной мелькнула тень. Наблюдатель поперхнулся недосказанным, посмотрел на меня – теперь точно бессмысленно и тупо, рухнул как подкошенный и замер. А окровавленный древесный корень,

торчащий из солнечного сплетения безымянного, деловито зашевелился, оплетая законную добычу новыми корешками и утаскивая её под землю.

– Ужка! – запоздало возмутилась я. – Зачем же насмерть? Я который год мечтаю допросить безымянного и хотя бы его кровь на анализ сдать!

– Иначе нельзя, – из-за сосны выступила хрупкая, маленькая девушка с длинными соломенными косичками и тёмными глазами старухи. – Я его *пообещала*. Плоть и кровь наблюдателя, его сила – плата за помощь.

Она посмотрела туда, где лежало тело, и фыркнула:

– Дурак... Пошёл договариваться с отступниками всего-то с тремя амулетами от «смешанки», – Ужка пошевелила пальцами и на лету подхватила выскочившие из-под земли наблюдательские обереги. – Им разве никто говорил, что такие амулеты не защитят от магии одной конкретной сферы, даже если эта сфера смешивалась с другой для создания оберега?

– Я – нет, – отозвалась я. – Я про вас вообще ничего не сказала.

– Знаю. С такой-то защитой палача в твои мысли никто не полезет, – усмехнулась она. – Они поди всё на зелье правды напирали, от которого у тебя иммунитет?

– Сначала на него, – подтвердила я, переступая с ноги на ногу и обратно. – Потом подсели на легенды о стародавних, которые я пачками сочиняла на ходу. А потом им стало ин-

тересно, когда же я наконец мумифицируюсь и за счёт чего живу.

– Предсказуемо, – Ужка внимательно и оценивающе осмотрела меня с головы до ног. – И ни маяков, ни магнитов, ни слежки... Скучно, Эф. Хотя бы кого-нибудь привела – мы бы размялись. Но выглядишь... модно. Неожиданно.

– Тьфу на тебя... – я безрезультатно вытерла тыльной стороной ладони яркую помаду с губ. – А я всё жду, когда отвалится...

Отступница и давняя подруга улыбнулась:

– Не надо. Так ты интереснее, – и после паузы тихо: – Я рада, что ты вернулась. Молодец, что выжила.

Мы не любим проявлять чувства – мы не умеем проявлять чувства. Мы живём в постоянном напряжении и ожидании – нападения, смерти, плена, безумия. И стараемся не привязываться, чтобы спокойно и философски относиться к неизбежным потерям. Ужкины слова стоили дорогого.

– Спасибо, – я тоже улыбнулась. – Кстати, там, на обочине, под покровом невидимости, есть симпатичная наблюдательская пятёрка. Скажи старшим, пусть решат, что с ними делать. Я пока их скрутила, усыпила и... – и спохватилась: – Мои добрались?

– Да, – она сунула амулеты в карман ветровки. – Девочка до сих пор в транс... парень – тоже. Он не ожидал, что его замечательная бабушка отстроит целый город. Называет нас ходячим замком и почему-то улыбается. Почему?

– Книга такая есть, – вспомнила я свои немногочисленные познания мира людей, которые здесь считались запретными. – И мультитик. Японский. Будешь среди людей – посмотри. Тогда поймёшь. Я не видела, только слышала.

– Будешь... – весело фыркнула Ужка, проводя по воздуху рукой и открывая проход. – Издеваешься? Я же известная трусиха. Мне одной разведки за глаза хватило. Больше не хочу.

Да уж, для обитателей приюта огромный и непонятный мир людей, полный к тому же наблюдателей, – страшная сказка на ночь. И, конечно, никакого замка здесь нет. Хвойная полоса древних сосен и кедров, а за ними – пологий холм с кольцами каменных парапетов и «ласточкиными гнездами» разноцветных домишек. Дары природы и земельного трудолюбия, чтобы поесть, ливни и снег – чтобы мыться и пить, магия – чтобы светить и обогревать. Каменный век по сравнению с человеческим городом, но лишь здесь ведьмы с даром чувствовали себя в безопасности. И жили как люди, а не загнанные звери. А прочие нужды – одежду, обувь, информацию – обеспечивали те, кто не боялся наблюдателей или не верил в страшные сказки, работая в человеческом мире.

Мы пошли хвойными тропками и, поглядывая под ноги, я поинтересовалась:

– А как... он? – и стукнула пяткой трости по земле.

– «Китёнок»? – уточнила Ужка, обернувшись. – А его

же главное кормить. Он пьёт растворённую в воздухе силу и плывёт, куда скажут. А у нас силы, сама знаешь, на десяти-рых таких хватит.

Наставница Удавка не мудрствуя лукаво создала приют, пользуясь известной сказкой о Рыбе-ките и, собственно, «китом» – нечистью. Это добродушное чудо легко принимало нужную форму, лишь бы она была большой, и прекрасно ладило со всем миром, если он не проявлял агрессии и кормил. И помогал только за еду – и так недавно подруга скормила «киту» убитого за помощь с безымянным. И ещё поэтому наблюдатели ходят вокруг приюта, как коты вокруг сметаны, а нападать боятся. С голодным-то «китом» едва управится десяток опытных заклинателей, а уж с нашим, отъевшимся на силе... И «китёнок» за нас и свою постоянную «еду» порвёт любого.

Усыпанная душистой хвоей и шишками тропа привела к подножию потрескавшейся каменной лестницы с каменными же парапетами, и я остановилась, набираясь духу. И терпения. Пятьсот ступеней до вершины холма и дома подруги меня не вдохновляли совершенно.

– Тормозим, – я оперлась о трость.

– Ай, прости! – Ужка виновато наморщила нос. – Отдохни, а я сбегая наверх, поищу воздушницу. Твоя магия так и не включилась?

Я отрицательно качнула головой. Своя бы, врождённая, работала, но чужая, даже подаренная, здесь сбоила, кон-

фликтую с защитным полем. Оно автоматом отключало все артефакты, а мои «угли», по сути, именно что артефакты.

Подруга вприпрыжку ускакала наверх. Я проводила её тоскливым взглядом, упрекнула себя в недостойной зависти и села на ступеньку, вытянув ноги. Тёплый, прогретый на солнце камень, опять же солнышко, ласковый хвойный ветер, уютная тишина... Собственно, какого лешего я наверху забыла?.. Мне и тут хорошо...

Позади быстро затоптали тяжёлые шаги. Я и оглянуться не успела, а Илья уже сбежал вниз. Плюхнулся рядом и молча сгрёб меня в охапку.

– Илюх, ты что? – изумилась я. – Это что за сопли?

– Я переживал, – проворчал он, – не чужая же. Безымянный был?

– Был, – я трепыхнулась для пробы и сразу оставила попытки освободиться. – К сожалению, достался он не мне.

– Ну и чёрт с ним. Другого добудем. Добралась – и хорошо.

Я поёрзала, изворачиваясь, подумала, что да, добрались, и надо бы поблагодарить за помощь по-человечески... Повернулась и неловко чмокнула его в щёку.

– А это что за сопли? – ухмыльнулся приятель.

– А это – спасибо, что довез Анюту и не рванул за мной по наблюдательские души, – честно отозвалась я. – Ведь хотелось же?

– Мало ли, чего я хочу, – он пожал плечами и потёр щё-

ку: – Всё, месяц ни мыться, ни бриться...

Я молча и привычно перехватила трость, Илья так же молча и привычно расплылся в выжидательной улыбке, но всё наше старое, доброе и вечное разрушил тонкий голосок сверху:

– Я лечу-у-у!

Я едва успела вскинуть трость, защищаясь от неизбежного «нападения», и летящая девочка «приземлилась» прямо на змеиную голову – замерла над ней в позе парашютиста. И, конечно, какую же ещё воздушницу Ужка могла прислать... Только своего ребёнка.

– Руся, – я терпеливо улыбнулась, – сколько тебя просить не бросаться на людей?

– А я и не бросаюсь, – звонко возразила она, – я сбрасываюсь. Эф, ну можно?... – заканючила просительно.

Я отложила трость, протянула руки, и девочка с радостным визгом «упала» на меня, уселась верхом, прижавшись всем телом, и заявила:

– Чего ты так долго? Я соскучилась!

– И я, – и на душе потеплело. – Очень-очень. Я... работала, Русь.

– Да, мама говорила, что ты учишь, – девочка отодвинулась и посмотрела с любопытством: – Всех выучила?

– Ой, да... – меня вдруг накрыло осознанием, что всё, больше никаких наблюдательских студентов и иже с ними.

А Илья уставился на Русю молча и не находя слов. Глубо-

кие и синие, как августовское небо, глазки девочки смотрели, но не видели – и *видели*. Видели гораздо больше, чем дано узреть простому смертному. Ибо через неё смотрела Вещая видящая. И не редкими трансами, как в случае с Аней, а практически постоянно.

– Русь, слезь-ка, – попросила я мягко, – и поздоровайся с нашим гостем. Это Илья. И это его бабушка придумала и создала наш дом.

Девочка отлетела на шаг, приземлилась на ступеньку и, теребя длинную футболку, застенчиво пробормотала:

– Драстьё... А чего вы на меня так смотрите?

Я толкнула приятеля локтем в бок, и он опомнился. Кашлянул и сипло сказал:

– Наставницу твою... вижу. Как тень. П-привет.

– Ты видящий? – обрадовалась она. – А ты меня покатаешь? А то мама говорит, что Эфе нельзя, она маленькая и болеет. А ты большой и сможешь!

Я поперхнулась смехом. Незрячие глазки девочки не выражали никаких эмоций, но рожицы она строила такие уморительные... Слишком мелкий для её возраста рост, толстая соломенная коса через плечо – Руся во всём походила на Ужку. Только бояться, к счастью, пока не научилась.

– Ну... э... садись, – Илья отчего-то смутился.

– Ура-а-а! – и Руся легко взобралась ему на плечи, свесив босые ножки, ухватила за уши и скомандовала: – Поехали!

Я закашлялась, чтобы не засмеяться в голос, а приятель

покорно встал и протянул мне руку:

– Поехали, Эф.

Я взялась за трость и неохотно поднялась на ноги. И, конечно, на радостях ребёнок совершенно забыл, что мама прислала его вниз помочь «болеющей» тёте Эфе. Я посмотрела на счастливую девчонку и вздохнула:

– Тоже туда хочу...

– И что тебе мешает? – Илья уже поднимался по ступенькам. – Гордость?

– Она, родимая, – я медленно поползла следом. – И иногда думаю, что лучше бы ей от палача досталось... а иногда нет.

– А какой ты видящий? – Руся, взяв быка за рога, а свою жертву – за уши, вернулась к любимой теме. – А мама говорила, что мальчики видеть не умеют.

Илья беспомощно оглянулся, и я подбодрила:

– Давай, шаман, толкай свою теорию духов нечисти и прочего. Не смотри, что она мелкая. Ей семь лет, и она очень умненькая. Поймёт.

Приятель осторожно заговорил. Через сто ступенек Руся перебила его уточняющим вопросом, а ещё через сто ступенек они подружились, наперебой обсуждая духов, нечисть и свои профессиональные секреты. Я, рассеянно прислушиваясь к разговору, упрямо ползла вверх, радуясь, что никому нет до меня дела и можно пыхтеть, ругаться шёпотом, сопеть...

– Ой, Эфа! – вспомнила Руся, когда позади осталось две-

сти шестьдесят пять героически преодолённых ступеней. – Извини, я забыла...

Да-да, вся в маму...

– Я сейчас!..

Земля ушла из-под ног так стремительно, что я едва не выронила трость. И после, болтаясь воздушным шариком, только смотрела на проплывающее внизу орудие пытки и думала об одном: спать. Спать, спать, спать. Об Анюте позаботятся, об Илюхе – тоже, Руся теперь вообще с него не слезет... Забиться в уголок, накрыться одеялом, и пусть весь мир подождёт.

Ужка ждала наверху, у каменного парапета, отделявшего узкую улочку от обрыва.

– Руся, не как в прошлый раз, – строго напомнила она, напряжённо наблюдая за моими воздушными трепыханиями. – Не бросай тётю Эфу на землю. Опускай плавно и аккуратно.

«Тётя Эфа» на всякий случай опять выставила трость – дар знает, чем бы она помогла, но за долгие годы это стало защитной реакцией на всё, от реальной угрозы до безобидных Илюхиных подколов.

– Погоди, – у него сдали нервы при виде стандартных Русяных «приземлений» объекта. – Эф, да убери ты свою палку, покалечишься... Руся, опусти её ниже. Ещё. И ещё. Стой, – и обхватив меня, скомандовал: – отпускай.

«Приземление» всегда напоминало удар под дых. Я на секунду задохнулась, вцепившись в Илюхины плечи, а в себя

пришла уже стоя на земле.

– Всё, мыть руки и за стол, – Ужка изловила своё летучее чадо, зажала под мышкой и, устремляясь к домику, начала воспитательный процесс: – Руслана, как тебе не стыдно...

– Эф, неужели и их... тоже?.. – Илья напряжённо посмотрел вслед ведьмам.

Я хмуρο кивнула:

– Без вариантов. Час назад безымянный заявил, что шепчущим нет места в этом мире. Для Руси бы его тоже не нашли. Ты же видишь, какая она... необычная. И под наставничеством она с младенчества. Остановила бы безымянных беззащитность ребенка? Нет, – я взяла его под руку и потянула за собой. – Ужин ждёт. И обижать хозяев негоже.

– У нас же ещё от бабы Любы харчи... – вспомнил приятель.

– Отдай Ужке. Руся – она как ты, она всё сметёт.

Илья оскорблённо фыркнул, но промолчал.

– Увидишь, сколько она ест, не удивляйся, – добавила я. –

На поддержку наставничества уходит очень много сил.

А на крыльце каменного домика, утопающего в тени рябин и увитого плющом, с прибалдевшим видом обреталась Аня. Заметив нас, она встала, пошатнулась и ухватилась за поручень.

– Ну, ты как? – заботливо спросила я, подходя.

Ведьма-шепчущая лишь кивнула: дескать, норма.

– Эф, ты у меня остановишься или к себе пойдёшь? – Уж-

ка отпустила дочь и задала её полету направление «домой». – Оставайтесь, места всем хватит.

– Да, домой я завтра загляну, – согласилась я. Всё равно там холодно, голодно и пусто. Не дом, а склад. – Переодеться найдёшь?..

Коридор, пестря семью зашторенными дверными проёмами, упирался в большую кухню-столовую-гостиную. Я привычно ушла в свою комнату, Аню отправили в гостевую, а Илью определили в кабинет мужа с напутствием покопаться в домашней одежде и поискать что-нибудь на смену. Приятель отнёс на кухню пакет и мой рюкзак с харчами от бабы Любы, выложил всё на стол и отправился уединяться. Ужка порылась в шкафах, выдала всем по свёртку и улетела на кухню.

Мы с Аней, переодевшись, оказались в длинных, мешковатых и явно мужниных широких штанах и майках, ибо Ужкино налезало только на неё. Илюха выпендрился и остался в своём, а Руся в честь гостей нарядилась в голубое платье и подпрыгивала за столом в ожидании ужина. Оный начался быстро и первое время протекал в довольном молчании – все ели. А потом начались бытовые и прозаичные разговоры.

Аня, понаблюдав за Русей, естественно, заинтересовалась, почему её наставница приходит редко и не остаётся насовсем.

– Потому что у тебя неправильная сфера силы, – взялась объяснять Ужка, не забывая подкладывать нам то салатов,

то хлеба. – Шепчущие всегда появлялись из огня, как видящие – из воздуха, а ты – вода. Что-то в вашем роду засбоило, почему-то водяных стало больше. Твоя прародительница, усыпляя дар, наверняка задала время пробуждения – чаще всего им было тринадцатое поколение. Дар проснулся, но вместо огня оказался в воде.

– Слушай, а кто её муж-то? – прошептал Илья, наклонившись ко мне. – Я прогулялся по приюту – мужиков вообще нет. Зато детей – полный холм. Откуда?

– Да уж не из библейской легенды, – тоже шёпотом ответила я. – Отцы – чаще всего обычные люди. Умирать в одиночестве, не успев передать знания рода, – не по ведьмовским понятиям. Здесь принято иногда выходить на разведку – посмотреть, что в мире делается. Ну и заодно... семьи пополняются. Люди чаще всего не в курсе, что и зачем.

Я глотнула чаю и добавила:

– А Ужкин муж – наблюдатель. Он много лет в разведке – ищет по архивам семьи с даром, отслеживает, в ком странная сила проснётся. Подозреваю, это он Анюту откопал и ко мне отправил, пока её дар не заметили те, кто... с «медузами», пока рядом тёрлись исполнители попроще. Он Русю лет пять не видел. А Ужка всё ждет, что он однажды вернётся. И боится, что не успеет вернуться.

– Ужка... – приятель хмыкнул. – Почему?

– По фэншую, – я улыбнулась. – Это маленькая и безобидная с виду змейка. Но змейка – это всё-таки змейка.

– Вы специально себе такие прозвища подбираете?

– Нет, наблюдатели начали. С Ехидны, если ты о ней слышал. А мы подхватили. Многим из нас удобнее прятаться за прозвищами, чем за именами. Если встретишь отступницу с именем, то знай: она потомственная, из семьи отступников. А все пришлые – кто из Круга сбежал, кто от наблюдателей, – все под прозвищами и обычно змеиными.

Спрашивать, откуда я, Илья не стал – давно знал, что не скажу.

Допив чай и вяло прислушавшись к разговору, я поняла: сейчас усну. А у меня ещё дела.

– Илюх, будь другом, не трогай меня завтра. Совсем. Я последние лет семь в постоянном шухере и не помню, когда спокойно спала. Если заскучаешь, попроси Русю показать наш заповедник – там живет нечисть, безобидная для людей, но подлежащая истреблению по старым наблюдательско-ведьмовским спискам. И будет тебе счастье. А я дико хочу выспаться.

Он понятливо кивнул.

Я пожелала всем доброй ночи и, прихватив рюкзак, ушла в свою комнату. Достала «пейджер» и устроилась за столом. Для начала написала бабе Любе – добрались, отбились и снова добрались, а потом – своему начальству. Вкратце описала наш с Аней эпичный побег и сообщила, что снова в строю. Одной ногой, но к подвигам готова. И попросила вернуть меня к старым делам, пока этим не занялся серьёзно ушлый

Удавкин внук. О его деле я тоже написала, и будет забавно, если начальство заинтересуется и даст добро. И даже посоветует половить безымянного на живца – на меня то есть.

Кстати, если постараться, можно наши с Илюхой дела состыковать – нам ведь необходимо одно и то же существо. Для разных исследований и отчётов, но тем не менее. Правда, я совершенно не умею работать в паре... Да и находиться рядом со мной опасно.

Очень.

Глава 5

*Волшебство сохраняется только до тех пор,
пока тебе ничего не надо.*

Эрих Мария Ремарк «Тени в раю»

Утро началось, хвала дару, позже обычного, но всё-таки с побудки. В доме, где живут дети, сон есть, только пока они спят. А уж если дитё проснулось и заскучало...

Руся разбудила меня, шумно плюхнувшись с потолка на постель.

– Эф, вставай! – заныла она, дёргая меня то за одну ко-сичку, то за вторую, то за третью. – Уже обед скоро, а ты всё лежишь и лежишь! – упрекнула капризно. – Вставай!

– М-да-м?.. – я сонно вынырнула из объёмной подушки. – Обед?.. Погоди, я сейчас... – и неудержимо зевнула, подавляя зверское желание нырнуть обратно, и хоть трава не рас-

ти.

– Знаю я ваши «сейчас»! – Руся мячиком запрыгала по постели к потолку и обратно. – Мне мама объясняла! «Сейчас» – значит «в этот час», а час – это долго! Вставай!

О господи...

Я сонно села, протёрла лицо и попросила:

– Русь, сделай доброе дело, поставь чайник. Я только в ванную загляну и сразу на кухню, честно-честно.

– Если опять ляжешь – я приду и отнесу, – сурово пообещала девочка на выходе, добавив по слогам: – от-ле-ви-ти-ру-ю. Вот, – и усвистела.

Я потянулась и с трудом выгнала себя из постели. На «пейджере» обнаружилось лишь одно сообщение – от бабы Любы, с приветом «дитятке», а начальство загадочно молчало. Может, и к лучшему. Если что, я и сама к делу пристроюсь. Позиции, условия и обязанности оговорены давным-давно, и вряд ли за четыре года моего бесславного «отпуска» они изменились. Другое дело, что изменились обстановка и знания «объектов», и мне позарез нужна информация о нынешнем состоянии дел. Что-то, конечно, расскажут старшие приюта, но они насквозь местные и в курсе лишь теоретически.

А кто ещё в полях и в теме? Кроме живых – мёртвые. И это... мысль.

В ванной я быстро умылась над тазиком и побрела на кухню, где как раз закипал на огне чайник и летала Руся, напевая и расставляя чашки-ложки. На столе обнаружились тёп-

лые драники, и я с удовольствием подмела всё, что было, залив Ужкину стряпню кружкой ромашкового чая.

– Эф, а почему ты так редко приезжаешь? – Руся висела в любимой позе парашютиста, облокотившись о стол и болтая босыми ножками. – Почему на совсем не останешься? Здесь скучно без тебя...

– Нельзя, – я встала за второй кружкой чая. – Я... В общем, я здесь умираю.

– От чего?.. – вскинулась девочка.

– Вот, – я подтянула длинноватый рукав футболки. На смуглой коже левой руки рваной чадающей раной чернела лунка, где прежде находился «уголь». – Это называется «выжигание». «Уголь», с которым я родилась, мне выжгли. Теперь я живу за счёт «углей», заключённых в артефакты, – и кивнула на трость, – а они здесь не работают. И я в любой момент могу мумифицироваться.

Детям, поучала наставница, надо всегда говорить правду, какой бы она ни была. Да и врать Русе бессмысленно – она чувствует ложь не хуже нечисти. И у меня – камень с души. Я устала ходить вокруг да около, объясняя, что не приезжаю не потому, что не люблю.

Девочка посмотрела на трость, лежащую поперёк стула, и поняла:

– Там нечисть. Это домик для нечисти. Для какой, Эф?

– Да, для какой? – раздалось с порога.

И леший знает, как давно Илья пришёл и сколько успел

подслушать...

– А вот... – проворчала я, добираясь до стула. – Интересно? Разбирайтесь. А то всё вам вынь да положь... Только не трогайте. Нечисть может среагировать на чужие руки даже в спячке.

Любопытствующие предсказуемо оккупировали место у стула. Присмотрелись к трости, переглянулись, снова присмотрелись, снова переглянулись – разочарованно.

– Я одно вижу, – первой заговорила Руся, – оно само – как источник силы. Живой источник. И он не должен отключаться, как у него вот, – и по-свойски ткнула пальчиком в Илью, – сила не отключается. Как не отключается у нашей нечисти. Но сейчас оно почему-то спит, силы не даёт и вообще почти незаметно. Почему?

– Потому что этот вид нечисти не ладит с тем, который хранит наш приют, – намекнула я.

– Или «клевещ», или «ящерица», – сразу догадался Илья. – У «китов» мало своей силы, и они очень не любят тех, кто слишком много хочет.

– Верно, – я улыбнулась, погладив трость. – Там «ящерица». Поэтому на чужой *территории* я прошу её спать как можно дольше и крепче, чтобы не беспокоить хозяев. И поэтому, – виновато посмотрела на Русю, – максимум через неделю я уйду. Но скорее всего раньше.

– Но сейчас мы пойдем гулять, – тоном, не допускающим возражений, объявила девочка. – Ты же моих улилок не ви-

дела. И деревянных гномиков. А ещё у меня рыбки в пруду и...

Я молча и покорно встала. Улиток нельзя не посмотреть. Гномиков – тоже. Зато потом я опять лягу и шиш встану.

– Одну минуту, переоденусь... А где остальные?

– Мама в огороде, Ане сказки про Великую шепчущую рассказывает. А то она не знает. Представляешь? – хихикнула Руся.

Илья увязался за нами, но, понятно, не из-за улиток с гномиками. Следующим после рыбок обязательным пунктом стоял заповедник, и заклинатель-шаман был не прочь снова туда наведаться. Да, с утра уже сбегал и с тех пор пребывал в нирване. А с хранительницей он познакомился ещё вчера.

Всё-таки, как рассказал приятель по дороге, опять катая Русю, чтобы попасть в приют, пришлось таранить стену. Аня спала в трансе, сам он ни черта не видел и тупо кружил по указанному на карте пятачку меж рощиц в надежде врезаться. И врезался. На шум сбегалось полприюта, и среди них оказалась и ведьма – хранительница заповедника. Она сразу обнаружила провезенную контрабандой нечисть, успокоила «кита», усыпила незаконных и даже пообещала оставить некоторых несчастных здесь, в заповеднике, набираться сил и обретать телесную суть.

– Я одного не понял, – подытожил Илья, – почему её хранительницей называют?

– Из-за них, – я пощекотала босую Русину пятку, и девочка радостно захихикала. – Сначала нечисть жила здесь, как все, – я махнула рукой на домики, мимо которых мы шли к лестнице, – но любопытные дети – это любопытные дети. Они сбегались поглазеть на неведомых существ, а заодно и понюхать, пощупать... Нечисть, устав от внимания, перебралась в незаселённую часть холма, и к ней приставили пару ведьм – оберегать покой. Ребяшня в конце концов привыкла, но должность осталась. Да и новая нечисть время от времени появляется, слухи расползаются, а дети... – я снова пощекотала подставленную пятку. – Их любопытство неистребимо.

– Но они же интересные, – оправдалась Руся и требовательно дёрнула Илью за ухо: – Правда?

– Правда, – охотно подтвердил он, – в любом виде и в любой форме.

Мы спустились до середины лестницы и свернули на самую длинную улицу, кольцом огибавшую холм и уводящую к заповеднику. По дороге до одного с меня требовали обещания привезти в следующий раз «что-нибудь интересное, хотя бы котёнка», ещё раз посмотреть на рыбок и заплести девочке такие же косички, и чтоб их было много-много, и чтоб надолго. Я, вздохнув, распрощалась с дневным сном и упрямо нацелилась на ранний вечер и последующую ночь. Кто знает, когда теперь получится выспаться перед новым этапом работы...

Заповедная часть приюта начиналась с домика хранитель-

ницы, которая как раз копалась в огороде. Я поздоровалась, минуты три потратила на обсуждение погоды и урожая морковки, и мы потопали дальше – мимо ухоженных каменных домиков в липах, рябинах и ёлках, за низкими плетёными изгородями, с огородами и цветниками. И уже у пятого домика меня окликнули, и голос оказался таким щемяще знакомым и внезапным – здесь, в приюте...

– Ой, я же забыла! – ахнула Руся и азартно замолотила ножками по Илюхным плечам. – У нас же тоже есть своя «ящерица»! То есть свой!

– Эфуша! – Анатолий Михайлович, с неизменными седыми усами и «козлиной» бородкой, отложил книгу и встал со скамейки. – Ты ли это? Сколько лет!.. Иди, обниму! Ну-ну, не корчи недотрогу! Ты ж не нечисть, ты же красивая баба!

Настала Илюхина очередь давиться смехом. «Ящерица» по старой дружбе обтискал меня всю и чуть не задушил в объятьях.

– Эфуша, – повторил Анатолий Михайлович умильно, – сколько лет... Садись, дорогая. А что с ногой? – заметил профессионально. – Дай-ка гляну... Не бойсь, говорю. Не больно гляну.

Я опустилась на скамейку и вытянула левую ногу. Похоже, здесь я наконец освою непростое искусство «змейки на солнышке»... Анатолий Михайлович сел рядом, протянул руку, шевельнул пальцами и сразу же вытер ладонь о неизменную полу старого медицинского халата, с которым, кажется, ни-

когда не расставался.

– Ну, ты даешь! – присвистнул он. – Кто приголубил? Знаю, что палач. Кто из? А то была у меня одна знакомая из местных...

– Нет, не местные, – я скривилась. – Это я на Урале... подцепила. Съездила... по делам.

– Так-так... – «ящерица» снова протянул руку и пощупал воздух над коленом. – А давай тебе искусственный сустав поставим.

– Чего? – возмутилась я. – Искусственный? Протез? Не надо!

– Да не такой уж и протез. Тьма ты тьмушая, Эфуша, – укорил он. – Заклятье же в одном месте сидит, по ноге не расползается? Не знаю, чем ты его сдерживаешь, но делаешь всё правильно. Оно сидит в суставе, как в клетке. Хотя... Да, сидит, пока силы нет – подпитки от природного «угля». И её, эту клетку, можно вынуть. Вместе с проклятьем. А у людей, знаешь, есть одна весьма полезная инновация...

Я вполуха слушала о наноматериалах, о том, что такие «наносуставы» сгибаются-разгибаются, не болят и вообще есть не просят, а сама думала, но отнюдь не о суставах. А об удаче, которая порой так складно сводит пути-дороги. «Ящерица» же гениальный хирург. И гениальный патологоанатом.

– Анатолий Михалыч, а вы дорого берёте? – спросила я, едва дождавшись окончания лекции.

Он обиделся и отодвинулся, сложив руки на солидном пу-

зе:

– Ох и вредная же ты, Эфуша... И гордая больно. Ты, парень, как с ней уживаешься? – обратился к Илье, который стоял под липой, усыпанный оборванными Русей листочками. – Если ж она вообще никак не?... А?

Илья флегматично пожал плечами и спрятал очередную ухмылку.

– Да я не про колено, – пояснила я торопливо. – Я в общем за, но потом, мне пока не до операций. Вы патологоанатомическую экспертизу можете провести? Нелегально?

– Кого резать? – заинтересовался Анатолий Михайлович.

Приятель перестал ухмыляться и подошёл ближе.

Я, уповая на Русину увлечённость листиками, вкратце обрисовала свою малоперспективную идею вскрыть безымянного.

– Есть подозрение, что они – не совсем люди, – заключила я. – Вы когда-нибудь слышали... Возможно ли пересадить что-то от нечисти магам или ведьмам? Чтобы допспособности появились? У многих видов нечисти сила находится в одном месте – в подобии нашего «угля», но у ведьм это концентрированный клубок силы, а у нечисти, как я слышала, орган – железы, жабры... печень, сердце. Ведьмины «угли» же пересаживаются без утраты способностей, но удачно – лишь от ведьмы к ведьме. А если попробовать с нечистью?..

– А ты в теме, – хмыкнул в усы Анатолий Михайлович и погладил бородку. – Слышал, Эфуша. И даже делал. Дохлый

номер.

— А если подопытным будет не просто маг, а потомок одержимых? — уточнила я. — С силой беса в крови?

Илья подошёл ещё ближе. Такого факта о безымянных он, разумеется, не знал.

— Вероятность есть, — «ящерица» снова погладил бородку, но уже задумчиво. — Потомки — редкость, специально для нужд науки их не ловили... Поймаешь — приноси, — предложил деловито. — Посмотрю. Ищешь на них управу, а? — прищурился хитро.

— Для начала хочу понять, как вообще их искать, — я нахмурилась. — Эти сволочи — будто невидимки. Ни запаха, ни магического излучения, ни следов существования... Ничего. Мы всегда натыкались на безымянных или случайно, или по их инициативе. Да, ищем, — я инстинктивно сжала рукоять трости, — не век же нам здесь сидеть. Да и нет его — вечного. Однажды наблюдатели рискнут — подобрать ключи к «киту», напасть... Уничтожив безымянных, мы обескровим наблюдателей. И тогда у нас появится шанс. Выжить.

Да, во-первых — выжить. А уж после...

— Помогу безо всяких «сколько», — повторил Анатолий Михайлович веско. — Найди и притащи. А я для такого дела вернусь в мир. Осталась у меня пара подпольных операционных... Неси. Или зови. Инструменты подготовлю. Всё выясним.

— Спасибо, — я улыбнулась.

– Пойдём чаю-то выпьем, – вспомнил о гостеприимстве «ящерица». – Ты, парень, Удавкин же? Да, есть в тебе что-то... Заходи. А малая пусть полетает. Я ушки ей прикрыл, но это силы много жрёт. А у меня их сейчас – три капли. Больше из закровов беру – «китёнок» нервничает.

Я снова пообещала Русе рыбок и косички, и она с радостным визгом улетела гонять ближайшую птичку.

– Эх, детство-детство... – ностальгически вздохнул Анато́ль Михайлович. – Эх, молодость... – и распахнул дверь своей берлоги. – Прошу, молодёжь. Эфуша, не трогай палку. Я же вижу, что не болит колено. Болит поди или от сильной нагрузки, или к вечеру, в час проклятья. А хромаешь ты, потому что больше выпендриться нечем. Хотя такая ж девка видная... Вредность из тебя выбить некому. Слышь, парень, я тебе вот чё скажу...

«Ящерица» умел не только мёртвые тела отлично препарировать, но и мозги вправлять. Правда, в моём случае он перестарался, вывернув их наизнанку – так хотел, чтобы я стала «нормальным человеком». Хотя бы. Для начала. И из его дома я вылетела пулей, едва не забыв попрощаться, зажав под мышкой трость и почти не хромая, хотя «час проклятья» наступал на пятки во всех смыслах этого слова. Удирая из заповедника, я даже Илью обогнала и притормозила только перед лестницей. Села на верхнюю ступеньку и мрачно воззрилась на подвижные макушки далёких сосен.

– Ни слова, – я подняла руку, когда приятель заинтересо-

ванно открыл рот. – Сейчас будет пятиминутка страданий о неправильно прожитой жизни и упущенных возможностях. Не сбивай с мысли. Она очень интересно раскрывается.

Илья кивнул, сел рядом и ровно через пять минут, как засекал, спросил:

– И?..

– Я ни о чём не жалею, – я пожала плечами. – Всё бы повторила, кроме одного дурацкого опыта. Хотя в целом он тоже пошёл на пользу.

– Да я и не сомневался. И бабушка говорила, что тем, кто оглядывается назад, нечего делать среди отступников.

– Ай, мало ли что она говорила... – проворчала я. – Я всегда оглядывалась. И сейчас оглядываюсь. Если прошлое не мешает идти дальше, в оглядках нет ничего плохого. А у многих из нас прошлое – это единственный дом, где любят и ждут. Всё остальное – склады и гостиницы.

Я встала и целенаправленно захромала вниз, размышляя, что это всё из-за студентов. Это из-за них я так привыкла картинно хромать и страдать на каждой ступеньке, что сама не заметила, как роль стала частью меня. Люблю приезжать в приют... После общения с отступниками старые шкуры сползают моментально, как после длительного пребывания на злом южном солнце. Правда, и оставляют после себя новую кожу, нежную и беззащитную... Но у меня ещё есть пара дней, чтобы «подзагубеть» в нужном направлении.

Остановившись у дома Ужки, я повернулась к Илье и су-

рово сообщила:

– Сегодня у меня рыбки и косички. И постель. Завтра поговорим.

– А... – возмутился он.

– У тебя начальство есть? И у меня есть. Если в ближайшую пару дней оно никуда меня не определит, то я вся твоя. Но и если определит, то информацией поделюсь, не волнуйся. Я же обещала.

За ужином и косичками я пересказала подруге все новости из мира, вернее, из разных миров – людского, ведьмовского и наблюдательского. Аня кое-что добавила, но быстро ушла спать: видать, и её, как и меня, здесь накрывало сонной расслабленностью. Илья бродил по двору и, судя по благоговейному тону, пытался пообщаться с «китом». Пыталось не очень – наш «китёнок» был маленьким и застенчивым.

– Как думаешь, началось?.. – Ужка неспешно мыла в тазу посуду после ужина. – Ведь больше десяти лет нападений не засекали.

– Посмотрим, появятся ли другие мумии. Пока судить рано, – я рассеянно перевязала очередной хвостик очередной косички. Руся млела и впервые на моей памяти сидела смирно. – Да и безымянный отрешивался изо всех сил. Осень скоро, чердаки летят... Может, кто-то из наблюдателей и полетел следом, начитавшись архивного и не предупредив шефов.

– А ты как думаешь? – подруга отложила чистую тарелку.

– Началась новая волна. Не забывай, Аня могла быть следующей. И должна была стать следующей.

– Что за волны? И почему вы уверены, что виноваты исключительно безымянные? – Илья, опершись о подоконник, заглянул в кухню.

– Виноваты исключительно наблюдатели, – отрезала Ужка. – Безымянные находятся в их полном подчинении.

– Лет пятьдесят назад одного поймали на месте преступления, – пояснила я. – Чисто случайно ведьма засекала ритуал, да не просто ведьма, а сама Верховная Круга. Эти же сволочи всегда устраивали свои «жертвоприношения» в людных местах и посреди бела дня. Чем больше людей, тем больше энергетики и тем меньше следов, указывающих на личность колдующего. Накрылся пологом невидимости и отводом глаз – и делай, что хочешь, и никто и не подумает, что в трёх шагах от тебя кого-то убивают. И убирать за собой не нужно, волны людской энергии всё сметут, почистят и отмоют.

– Но Верховная – это Верховная, – добавила подруга, вытирая полотенцем чистые тарелки. – Она примчалась на выплеск магии. И ведьму спасла, и безымянного скрутила.

– Но его даже допросить не успели, – я перевязала следующую косичку. – Едва Верховная прибыла с пленником в Круг, как туда же нагрянул лично наблюдательский глава. И заявил, что, по древнему Договору стародавних, ведьмы не имеют права лезть во внутренние дела наблюдателей. Да,

Илюх, именно так он обозначил ритуальное убийство ведьмы – «внутренние дела наблюдателей». Дескать, если у убийцы крыша поехала, то они сами разберутся, от чего, и решат, как наказать. Забрал безымянного, и больше мы об этом деле ничего не слышали.

– А отличить безымянных от остальных? – любопытствовал Илья.

Мы с Ужкой переглянулись, и она тихо ответила:

– Тебе надо хоть одного увидеть своими глазами. Поймёшь. Они... как зомби. Как роботы. Обычные наблюдатели – всё-таки люди, и среди них много неплохих. Правда. Но эти... Я с тобой согласна, Эф. Думаю, они... не совсем люди. И те три ведьмы – выжившие в ритуале, помнишь? – тоже говорили, что виноваты безымянные. Они же не убивают сразу. Они проводят ритуал изгнания и бросают жертву умирать. Чтобы или нечисть догрызла, маскируя убийство, или...

– А количество волн мы давно бросили считать, – я мужественно взялась за предпоследнюю косичку, хотя пальцы ломило похлеще колена.

– Их было много, – подтвердила Ужка. – Очень. Охота на ведьм подписанными Договорами не закончилась. Нет. Она продолжается с некоторыми паузами. Но таких длинных, десятилетних, никогда не случалось, и мы грешным делом понадеялись, что всё. Закончилось.

– Но увы, – я откинулась на спинку стула и помассировала

пальцы. – Готово, Русь. Беги, хвастайся.

– Она спит, – улыбнулась подруга. – Улеталась за сегодня.

Я осторожно отодвинулась, посоветовала на ночь убраться прическу под косынку, допила чай и, заметив активную Илюхину жестикуляцию, неохотно взялась за трость. Вязнуть в новых разговорах не хотелось, но приятеля явно что-то беспокоило.

Когда я вышла на крыльцо, он уже сидел на верхней ступеньке.

– Что ещё? – я опустилась рядом.

– Ты сказала про кровь одержимых. Это правда?

– Абсолютная. Выясненная случайно и опытным путём.

Может, помнишь, пару лет назад в соседнем Круге полезла из мира мёртвых тюрьма для нечисти? Вот тогда кое-какие новые сведения о безымянных и всплыли. Одна их тамошних ведьм – силой как Руся, вещий воздух, видящая. Она предвидела появление тюрьмы, но её дар только-только проклёвывался и большой роли не сыграл.

– Но вы заметили.

– Ясно дело. И поговорили. Нашли возможность повидаться так, чтобы и её не подставить, и нужное выяснить. И обменялись сведениями: мы – о сути дара и его развитии, она – обо всех тех событиях. Кстати, – вспомнила я, – ты же можешь с её приятелем о безымянных поговорить. Он заклинатель. И, кстати, тоже потомок бесов. А прежде был наблюдателем.

– Кто? – оживился Илья.

– Фотку покажу, – пообещала я. – Я же в то время ещё находилась под надзором с выжженным «углём». Сейчас пересказываю сплетни. Завтра подниму архивы, и найдём всех участников. Только аккуратно нужно выясняй. Чтoб никаких потом присоединившихся. Двое нас – это уже много. И, кстати, Илюх, помнишь, как появились заклинатели?

– Глупый вопрос, – хмыкнул он, – это искусственная сила, возникшая в результате ритуала...

– ...среди носителей крови одержимых, – подхватила я. – Свою родословную хорошо знаешь? Уверен? А если уточнить? В этой истории сплетается много разных сил, и мне даже представить страшно, как и по кому именно они ударят. А когда факты сливаются с домыслами, порой рождаются удивительные теории. И вскрывается правда.

– Страшно – но ты всё равно сунешься? – Илья повернулся.

– Ты же всё слышал, – я оперлась о трость и встала. – Здесь жить я не могу. «Кит» мою «ящерицу» не примет – проверено. Анатолий Михайлович просочился, потому что он практически пуст и замаскирован амулетами на чужой крови. А моя нечисть – это живой источник, который можно скрыть только полноценным усыплением.

Я посмотрела на догорающий закат и добавила:

– А в мире меня так хорошо знают, что долго я не протяну. Только в глуши, но я там сдохну. Пробовала, да. Меня

хватило на два месяца, после которых я решила, что лучше сдамся. Хоть дело будет. Нет, если я хочу прожить положенные ведьме сто пятьдесят лет, то дело безымянных не брошу. Больше я никого не боюсь. Только их.

Я глянула на загруженного приятеля в кои-то веки сверху вниз и улыбнулась:

– Доброй ночи, Илюх.

– Доброй, – заторможенно кивнул он.

Но спать этой ночью явно будем только мы с Русей. И Анята, если смогла переварить и утрамбовать сказки о Великой шепчущей.

Раздевшись и выпив обезболивающее, я нырнула под одеяло.

Вещая видящая, Великая шепчущая, Мудрая ведающая... Древние легенды мёртвого мира, лежащего в руинах. Капища силы, схроны и гробницы – вот и всё, что нам, современным ведьмам, досталось от предшественниц. Всё, откуда мы по крупицам добывали знания. Мы старательно, кирпичик за кирпичиком, выкапывали сокровища прошлого из развалин, изучали каждый, думали, где его место и какую роль он играл в «здании», собирали на старом фундаменте новый дом... Но пока он выходил совершенно непригодным для жизни. Для полного опасностей существования, для выживания – да, но не для нормальной человеческой жизни.

Я повернулась набок, сунув руку под подушку.

Ибо живущие в приюте знают много необходимого лично

для себя и контроля своего дара, но совершенно не приспособлены для жизни в большом мире. Даже в мире Круга им непросто, ведь он крепко связан с миром человеческим. А как тяжело уютным среди простых людей, когда приходит пора разведки... Они не адаптированы от слова «совсем». Для них троллейбус или метро – чудо света, не говоря уж о такой «инновации» как интернет, а в городах, переполненных людьми и искусственными, чуждыми нашей стихийной природе технологиями, ведьмам плохо.

Но пока идёт охота, в большой мир нельзя. А пока мы прячемся в приюте, мир становится всё больше и отдаляется от нас всё дальше. И пуще нападений наблюдателей я боялась, что однажды ведьмы просто не захотят отсюда уходить – испугаются уже не собственно нападений, а огромного и незнакомого мира, в котором дико непросто найти своё место. И если многим нашим ведьмам «большой» кажется человеческая деревушка, где из «инноваций» – старый советский трактор на всё село да пара допотопных мобильников...

В общем, пора за работу. И раз наблюдатели с безымянными опять взялись за старое... Поговорю-ка я, пожалуй, поутиру со старшими отступницами. Они, ясно дело, многое знают... но знать мало. Надо ещё и делать. И я-то точно сбежала из-под надзора не для того, чтобы прятаться в сибирской тайге, ожидая чудес.

Я вообще не из тех, кто ждёт. Я из тех, кто чудит. Да и выбора у меня давно нет. Только бесконечные планы – и на

будущее, и на прошлое.

Глава 6

Основной элемент организации волшебников – это Орден, Колледж или, разумеется, Университет.

Основной элемент организации ведьм – это ведьма, но, как уже указывалось ранее, основным постоянным элементом является хижина.

Терри Пратчетт «Дамы и Господа»

Ещё во время побега я заметила, что внутри сдержанно-запуганного Аниного существа таится, выжидая своего часа, нормальная ведьма, но не подозревала, что она окажется столь эмоциональной и шумной. Сбегав с утра к старшим и обсудив обстановку, я по возвращению застала в саду безобразные разборки. И спряталась в тени дерева, прислушиваясь.

– Я не отдам её на опыты! – голос ведьмы-шепчущей звенел от ярости. – Это моя тётя!..

А Илья, едва сдерживая раздражение, явно по десятому кругу начал объяснять, что тётей мумия была при жизни, а сейчас это просто тело, которое является важной уликой и исследовательским материалом. И тёте там, где она находится, от похорон или их отсутствия ни холодно ни жарко. Скорее, наоборот, она бы предпочла остаться материалом и

хоть так помочь наказать убийцу, нежели быть похороненной и метаться в вечном неупокоении. Я, услышав эту теорию, невольно улыбнулась. Родное отступничество...

– Эфа! – Аня заметила меня. – Ну скажи ему!..

– Тебе принципиально нужна именно эта мумия или подойдёт любая другая? – я вышла из-за дерева и посмотрела на приятеля.

– Как это – другая? – не понял он.

– Сколько их у вас? – сообразив, ахнула Аня.

– Много. Целый некрополь. Обычно безымянные трёх-четырёх ведьм в год убивали. А мы их постоянно находили, даже поисковые амулеты давно сделали, настроенные на остаточную энергетику ритуала. Опознанные похоронены в одной части некрополя, неопознанные – в другой, – пояснила я. – Илюх, верни Ане тётю. Для людей похоронить близкого – это очень важно. А мы взамен отдадим хоть десять мумий тех, кого уже лет пятьдесят никто не опознаёт. Может, кстати, и опознаете. Они все один в один – те же символы изгнания, те же подпалины от ударов «медузы»... А хотите посмотреть?

– Да, – в один голос.

– Тогда немного погода встретимся внизу, у лестницы. Пойду договарюсь. Илюх, попроси у Ужки покрывало и сходи за тётей. Ань, надеюсь, ты понимаешь, что в ближайшее время никуда не уйдешь, и тётю пока лучше оставить здесь?

Она хмуро кивнула. Илья выглядел недовольным, но, ока-

завшись в меньшинстве да под прицелом двух ведьм-отступниц, смирился и отправился просить покрывало. Аня, воинственно нахохлившись для порядка, осталась его ждать, дабы потом сопроводить до машины и проследить, чтобы обошлось без сюрпризов и подлогов.

Перед некрополем я заглянула к Ужке и попросила её занять чем-нибудь Русю. С утра девочка радостно облетала холм, хвастаясь всем и каждому новой причёской, но к обеду вполне могла вспомнить про «тётю Эфу» и очередных улиток. А у меня наметились дела. Старшие отступницы дали пару хороших советов, и мне хотелось и обдумать их, и обсудить, не обижая Русю отказами и ссылками на «работу».

– Анатолий Михайлович тебе колено вправил? – подруга заметила, что я почти не хромаю, а трость ношу под мышкой.

– Нет, – я прихватила рюкзак, – мозги. И напомнил, что я больше не страдающий экспонат наблюдательского музея.

Ужка, помешивая у плиты суп, улыбнулась:

– Он молодец. А я попробую до «китёнка» достучаться и попросить его подпитать пару полезных травок. Сварю тебе обезболивающее посильнее. Ты же на месте не усидишь и рванёшь на подвиги? Там? – она неопределённо махнула рукой, намекая на большой мир, и вернула ладонь на плиту, поддерживая необходимый для готовки тепловой режим.

– Ясно дело, – я обулась. – Мы в некрополь. Уж, а одолжи метлу?

– Амулет на двери.

Сняв с крючка крошечную медную метёлку, я осторожно спустилась с крыльца, пересекла сад, вышла за ограду и мрачно посмотрела на уютную лестницу.

Фишка проклятья заключалась в том, что коленный сустав постоянно «сыпался». Полное обездвиживание организма с отказом ног – стандартную «скрутку» жертвы – я победила, но «лечение» палача не одолеть никому, кроме него. Я собрала проклятье в одну случайную точку, загнала его туда и держала, не позволяя опять расползтись по обеим ногам, но по месту «заклочения» оно било с утроенной силой.

Зелья помогали, но слабо, а магическое исцеление я старалась использовать как можно реже. Оно собирало сустав по хрящикам, наполняло его здоровьем и движением – но буквально на несколько часов. После начинался процесс деградации, и чем дольше я не трогала исцеление, тем медленнее деградировал сустав. И тем болезненнее становился каждый следующий день. Сначала – только в «час проклятья», потом – час до и час после, а потом...

Когда боль не поддавалась даже зельям, а нога переставала сгибаться, я решалась на очередное исцеление. Последнее я использовала совсем недавно, спасая Анюту, и теоретически у меня есть дней семь-десять относительно свободного движения хотя бы до «часа проклятья», а он всегда случался вечером в одно и то же время. Если, конечно, я не сорвусь на подвиги и не перегружу оными организм больше обычного. В общем... «змейка на солнышке», и никакой лишней гор-

дости.

Ужкина метла была на самом деле мягким поролоновым матрасом, скатанным в плотный рулон, и слушалась меня с переменным успехом и недолго. Артефакт знал руки, которые его сделали – мои, но заклятье принадлежности всегда быстро брало верх над «памятью», а я летела в лучшем случае в кусты. Но мне нужно-то полминуты – промчаться над лестницей... И ещё минут десять после благополучной посадки я сидела на ступеньке, дышала солнечно-хвойным лесом и ждала «похоронную процессию».

Сначала из-за сосен показался Илья с закутанной в покрывало мумией на руках – хмурый и готовый при ещё одном слове таки рвануть. Аня, следующая за ним по пятам, явно порывалась это самое слово сказать и достучаться до непонятливого Удавкиного внука, но, к счастью, сдерживалась. Видать, начинала понимать разницу между отступниками и нормальными людьми.

Я молча встала, махнула своим спутникам рукой и первой углубилась в лес – тонкими петляющими тропками, между стройных корабельных сосен, шурша прошлогодней хвоей, по редким солнечным пятнам. «Процессия» топала за мной, сопя друг на друга, но, хвала дару, без выяснения отношений.

Через полчаса мы подошли к неприметному мшистому камню. Коснувшись его тростью, я прошептала наговор, и камень плавно отъехал в сторону, открыв тёмный лаз.

– За мной, – скомандовала я и первой спустилась в подземелье.

Тридцать утопанных ступеней привели в угрюмый коридор, на стенах которого при нашем появлении засветились разноцветные факелы: белый, красный, жёлтый, зелёный, синий и даже тёмно-серый а-ля чёрный – двенадцать цветов силы. Между ними зияли низкие арочные проёмы. «Ощущая» присутствие живого человека, факелы вспыхивали и в комнатах.

– Вот здесь, – указала я тростью на правый ряд проёмов, – местные отступницы или опознанные, а слева – неопознанные ритуальные. Предлагаю сначала закончить с похоронами.

Аня, стойко держащаяся всю дорогу, тихо всхлипнула.

– Какая своеобразная погребальная культура... – пробормотал Илья, когда я объяснила Ане, что и как делать.

В каждой комнатке – по тринадцать могил, для двенадцати простых ведьм и одной Верховной. Анина тётя тоже была водой, и я быстро нашла ей место среди «неполной» дюжины. Указала на нужную ямку, возле которой земляную стену украшали знак сферы воды и обережные символы, вручила чашу с землей и объяснила, почему горсти хватит, чтобы засыпать всю могилу.

– Погребение замешано на обрядах, которые проводят только ведьмы сферы смерти, – шёпотом ответила я Илюхе. – Укладывай. И давай их оставим – пусть попрощаются. Ань,

выход наверх открыт.

Ведьма-шепчущая промолчала и занялась тётей. Приятель, сунув свёрнутое покрывало под мышку, наклонился и выбрался в коридор первым, а я, оглянувшись напоследок, за ним.

– Какие ещё обряды?

Я наугад выбрала левую комнату подальше, завела туда своего спутника и объяснила:

– Которые поднимают кладбища на бой с врагами. Обязательно хоронить именно так: в центре Верховная, двенадцать по кругу – собственно ее мёртвый Круг. В мумиях надолго остается сила, пропитавшая органические ткани, а если хоронить их кругом и связывать ритуалом, то сила вообще никуда не исчезает. Более того, она по капле стекает в Верховную. За пару сотен лет таких процессов из них получаются крутые боевые личи – способные к магии, использующие заклятья всех сфер и практически неуязвимые. Однако для ритуала нужны все опознанные, чтобы обращаться по имени. Поэтому неопознанные у нас хранятся отдельно.

– Двести лет? – разочарованно заметил Илья, оглядываясь. – А приюту сколько? Слегка за пятьдесят?

– Дождёмся, – я улыбнулась. – Так хоронили стародавние, так хоронили отступницы... И так мы перенесли сюда полезные старинные захоронения. Судьба, знаешь, иногда очень непредсказуема. А вот, кстати, неопознанные. Выбирай, какая больше нравится. Старшие разрешили даже трёх отдать.

Приятель изучил на ровные ряды ниш в стенах, заполненные покрытыми мумиями, и тоскливо потрянул головой:

– Бабушка тоже должна быть тут, среди Верховных...

– И она здесь, – подтвердила я. – Она запретила возвращаться за ней, но я рискнула. И вернулась. В некрополе есть комната памяти с прахом тех, чьи тела не собрать для ритуального погребения. Показать?

Он молча кивнул.

Мы покинули комнату и прошли по коридору до конца – большого зала с высоким потолком, утопающего, несмотря на свет факелов, в мрачной полутьме. Во всём некрополе благодаря заветам поддерживался сухой микроклимат и свежий, приятный для обоняния воздух, но не здесь. Здесь дрожью по телу ощущалась сырость и пахло гнилью, хотя тел не было, только ларцы в крохотных стенных нишах.

Илья мгновенно и без подсказок увидел нужный ларец, а потом обернулся, напрягся и прищурился. Да, в тених у противоположной стены на тонких цепях кое-кто сидел.

– Неупокоенные, – пояснила я. – Почти готовые хуфии. Ждём, когда они сформируются. Не тронут и не сорвутся, просто не подходи и не тревожь. Колдовать здесь нельзя. Закончишь – бери любую мумию из левого ряда комнат. Или три. Я подожду наверху.

И почти час валялась на душистой хвое, то ловя в сосновых просветах солнце, то проваливаясь в дрёму, то лениво размышляя. Навестит ли?.. Подскажет ли?.. Мёртвым вид-

нее, а я за четыре года бездействия отстала от жизни. Сама бы в некрополь не сунулась – незачем, меня там все игнорируют, но шепчущая дала повод... Да, хорошо бы появилась и подсказала...

Первой вернулась Аня – заплаканная, но собранная, с проявившимся внутренним стержнем и жёстким взглядом.

– Спасибо, Эф, – она села рядом. – Ужка говорит, где-то здесь спрятаны святилища первых Верховных. Не покажешь дорогу?

– Увы, – я качнула головой, – они блуждающие, находятся в тонких слоях мира призраков, и попасть в святилище можно только по приглашению. Поброди по лесу, поговори с Великой шепчущей. Если ты готова, она откроет дверь. Если нет – не теряй надежды и продолжай бродить и искать.

– И готовиться, – правильно поняла Аня, встала и повторила: – Спасибо. За тётю. Возвращайтесь без меня.

Я кивнула, и она быстро скрылась среди сосен. Я растеклась по тёплой хвое, но задремать не успела. Илья выбрался из некрополя с охапкой мумий в покрывале и сложил свою «добычу» на землю. Вид у него был слегка пришибленный, но просветлённый.

– Навестила?.. – я снова села.

– Ага, – он отряхнул джинсы, – и дала пару советов. Например, посетить некий реликварий. Первый раз о таком слышу.

– О, это древнее сакральное место, – я прищурилась на

солнце. – Помещение, обережные заклатья, местоположение... Это не просто схрон, где ведьмы прятали своё добро, а хранилище реликвий первых Верховных.

– И?.. – Илья склонил голову набок.

– К сожалению, реликвариум оно так и не стало. Когда мы обнаружили помещение, схрон напоминал новый дом, в котором ремонт уже закончен, а вещи ещё не ввезены. Однако кое-что волшебное, кроме охранных заклятий, есть – хранилище полезно отвечает на вопросы, даёт мудрые советы и проясняет непонятые моменты. Через сны или медитации. Вероятно, оно должно было вещать об ином – о том, в какой ячейке хранится искомая реликвия, как её использовать... Но предметов для разговора нет, и схрон помогает иначе. Чем и как умеет.

– А где реликвии? – приятель любопытно плюхнулся на землю рядом со мной.

– А вот об этом оно молчит, – я разочарованно потрянула косичками. – Это первое, о чём мы спросили. Никто не знает. Одни отступники считают, что реликвии уничтожены – или самими хозяйками, или их преследователями. А другие полагают, что стародавние не успели ничего перевезти и с должными обрядами поместить в оборудованные ниши. Припрятали впопыхах, где пришлось, закрыли такой защитой, что не найти и не пробиться... А сходить в реликвариум можно. Находится он, конечно, не здесь, но я знаю место. Или ты заодно хочешь и реликвии поискать?

– Я бы за, – отозвался Илья бодро, – археолог и расхититель гробниц во мне не дремлет. Но безымяннее важнее. И в реликварий мы сгоняем – всё за теми же безымянными. Информация лишней не бывает. Но сначала я бы от тебя услышал обещанное.

– Сначала всё-таки обед, – предложила я. – Ужка ждёт. А потом, если отобьёмся от Руси без потерь...

– Начальство молчит? – он встал и протянул мне руку.

– Боюсь, с ним что-то случилось, – я с сожалением поднялась с нагретой хвои. – Оно никогда не пропадало больше чем на сутки и всегда отвечало очень оперативно. Не объявится в ближайшие часы – ночью я уйду. С тобой до города, если соберёшься, а дальше – одна. Тебе ещё со своими коллегами о мумиях беседовать да того заклинателя-наблюдателя хорошо бы потрясти на предмет наследников одержимых.

– Это похоже на капкан, – Илья сгрёб с земли мумии.

– В первую очередь это источник информации о пропавшем начальстве и возможность найти его следы, – я первой побрела по тропинке к лестнице.

– «Его»? – переспросил приятель заинтересованно.

– Это всего лишь форма склонения местоимения «оно», – уклонилась я, – которое учитывает нескольких человек, крайне важных для приюта и его связи с миром.

Обсуждая дела насущные, мы добрались до лестницы, и я достала метлу.

– Эф, я тоже туда хочу! – оживился Илья. – Сто лет не

летал!

– Извини, – я села на матрас верхом, – второго чужака амулет не примет. Метла не моя. Да и некогда. Мне ещё помогать Ужке на стол накрывать, а тебе – мумии в багажник упаковывать. До встречи наверху.

Обед прошёл тихо, главным образом из-за присмирившей и серьёзной Руси. Она не прыгала, не бегала, не летала, а только молча и сосредоточенно уминала еду. После обеда Ужка велела ей найти в лесу Аню, передать свёрток с водой и едой и показать вход в святилище Вещей видящей, чтобы шепчущая понимала, что он собой представляет. Руся молча взяла свёрток и улетела.

– Эк ты её прищучила... – я удивлённо хмыкнула, грея ладони о тёплые бока кружки.

– Это не я, – вздохнула Ужка, собирая грязную посуду, – это наставница взялась за работу. У меня вообще с воспитанием не ладится. Я же как на её глазки посмотрю, так сразу готовая всё понять и простить. На мне она ездит, как и на тебе. Но когда за дело берется Вещая видящая... Для стародавних детей не существует – есть ведьмы, материал, из которого надо слепить необходимый объект. Она иногда отлучается – проверить других своих учениц, сил в призрачном мире набраться, и Руся в это время отрывается. Но кончается оно быстро... Даже не знаю, хорошо это ли плохо.

– Вещая видящая растит ведьму, которая должна выжить, сберечь дар, усвоить как можно больше знаний и передать

их новым ученицам, — я встала, помогая подруге с посудой. — Мы тоже многого были лишены, и ничего, выросли. Илюх, — я покосилась на наострившего уши приятеля, — будь другом, погуляй полчаса.

— Время тянешь? — поддел он, вставая со стула.

— Да, — честно призналась я. — Предварительно фильтрую информацию и думаю, что тебе надо знать обязательно, а что — опасно.

— Ночью уйдешь? — поняла Ужка, когда за Илюхой захлопнулась дверь.

— Скорее всего. Если начальство не объявится... Старшие сказали, оно молчит уже четвёртый день.

— Поздно, — подруга достала из шкафа лоскутную сумочку для сбора трав. — Если что-то случилось, и следов не сыщешь.

— Проверить не помешает. На ужин не жди.

— Тогда хоть чаю возьми, — Ужка указала на полки, уставленные банками с травяными сборами. — И перекусить. И брось ты эту посуду, я сама потом помою. А если узнаешь... — она запнулась.

— Конечно, — я с трудом выдержала её беспокойный взгляд. — Всё, что узнаю о твоём муже, — всё расскажу. Я помню, что обещала. Любые сведения.

Подруга отправилась просить у «китёнка» особых травок, а я заварила две пол-литровые кружки чая и из окна окликнула Илью.

– Бери чай, а я возьму поесть. У меня дома даже воды нет, – спохватилась я, оглядываясь в поисках подходящей банки или бутылки. – Один сплошной архив.

– У тебя – дома?

– Угу. Дом на среднем уровне. Я даже стараюсь там жить... иногда.

– Но душа требует авантюры? – он улыбнулся. – Удивительно, как ты усидела на месте, пока училась у бабушки. Она говорила, что ты готова улететь с первым попавшимся ветром. С северным на юг – чтобы отогреться и вспомнить, с южным – чтобы научиться и набраться опыта, с восточным – чтобы понять и принять...

– ...с западным – чтобы найти и отомстить, – я закинула на плечо рюкзак с запасом воды и еды. Мало ли, вдруг на полночи застрянем. Разговоры – такая трясина... – Да, помню. И я действительно улетала. И ты даже узнаешь, куда. Безымянные – это важная часть моей истории. Но, Илюх, воздержись от неуместных вопросов. Сам знаешь, от каких. Что посчитаю нужным – то расскажу, а что нет – то нет. Не обессудь.

– Когда-нибудь, – Илья отобрал у меня рюкзак, – я всё равно всё узнаю. Смысл шифроваться? Вечными бывают лишь секреты стародавних.

– Восприятие, дружище, – я посмотрела на часы, отмечая время, и прихватила одну кружку. – Восприятие человека человеком зависит от того, как много он знает об объекте

интереса. Одно моё настоящее имя перечеркнет всё, что я создала о себе за годы в чужой личине. А я этого не хочу. Твоя бабушка, кстати, тоже долгое время ничего обо мне не знала. Приняла такой, какой я пришла.

– Или знала, но молчала?

– Нет, не знала. Она создавала нового человека, а прошлое – это не тот фундамент, на котором комфортно возводить новое. И как на дворцовом фундаменте не построишь хижину... – я вышла на крыльцо, подождала Илью и затворила за ним дверь. – Она *не хотела* ничего обо мне знать.

– На дворцовом... – задумчиво повторил приятель.

– Да забери тебя дар, просто к слову пришлось, – я закатала глаза. – Я же не нечисть, чтобы говорить буквально. Вот же зануда вредная – археолог недобитый... Держи кружку. Я метлой спущусь, а ты – сам. Средний уровень, правая сторона, дом на окраине – мимо не пройдёшь.

– Но эта улица уходит по холму в заповедник, – возразил он.

– Слева от лестницы. А справа между нами и нечистью стоит стена, – спохватившись, уточнила я, доставая из кармана джинсов амулет-метелку. – Там опасный обрыв, а дети старались пролезть в заповедник, минуя ведьм-хранителей. Вот и поставили преграду – во избежание несчастных случаев.

Дом – «милый» дом... Когда я, едва удерживая протестующее средство передвижения, приземлилась посреди улицы,

заброшенное каменное строение недружелюбно глянуло на меня пустыми окнами без занавесок и растений. Убрав амулет, я побрела через беспорядочно заросший сад к крыльцу. Кажется, вшитые в стены заклятья уборки ещё не кончились...

К приходу Ильи заклятья послушно вымели из единственной огромной комнаты пыль и невесть как просочившийся в запертое помещение июльский тополиный пух, а я раскатала по полу, предварительно почистив домашней магией, толстый палас и разложила подушки. Вот, собственно, и всё нехитрое убранство. Мне много не надо, особенно там, где я не живу.

Приятель, стукнув в дверь, зашёл, огляделся и уставился на меня со смесью недоверия и подозрения.

– А архивы – это «чертоги разума»? – спросил он ядовито. – Издеваешься?

– Увы, – я хлопнула по паласу, – времени нет. Садись. Если ты думал увидеть залежи бумаг и ряды шкафов, то слишком долго находился среди людей и ни разу не был в главном архиве Круга – в том, что внизу, в подвалах. Вся ценная информация ведьмами давно зашита в амулеты, – я показала на потолок, украшенный гроздьями «ловцов снов», – и заклятья, – и кивнула на стены, кирпичи которых были испещрены символами.

– Конечно, не был – кто бы нас туда пустил... – проворчал приятель и недоверчиво прищурился: – А ты что, видела

архивы Кругов? И личный архив Верховной?

– Садись, в ногах правды нет. И на стены не опирайся, защита может сработать. Больно. Начнём с «чертогов разума».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.